

Ранний верхний палеолит Европы
и сопредельных территорий:
взгляд из Сунгиря

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Институт археологии Российской академии наук
Государственный Владимиро-Суздальский
историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

РАННИЙ ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ ЕВРОПЫ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ:
ВЗГЛЯД ИЗ СУНГИРЯ

Тезисы всероссийской научной конференции с международным участием,
посвященной 120-летию со дня рождения Отто Николаевича Бадера

Москва 2023

УДК 902/904

ББК 63.4

P22

Удтверждено к печати
Ученым советом Института археологии Российской академии наук,
Ученым советом Государственного Владимиро-Суздальского
историко-архитектурного и художественного музея-заповедника

Ответственный редактор
к.и.н. К.Н. Гаврилов

Рецензенты
к.и.н. Е.В. Леонова, А.А. Симоненко

**Ранний верхний палеолит Европы и сопредельных территорий:
взгляд из Сунгира. Тезисы докладов.** Всероссийская научная конференция
с международным участием, к 120-летию со дня рождения Отто Николаевича
Бадера. – Владимир, 2023. – 58 с.

В сборник вошли тезисы докладов, заслушанных на конференции,
посвященной 120-летию со дня рождения Отто Николаевича Бадера, про-
шедшей в г. Владимир 20 - 23 сентября 2023 г. В докладах затронуты про-
блемы, охватывающие различные стороны изучения верхнего палеолита,
преимущественно – его ранней поры, на значительном пространстве Се-
верной Евразии, от Русской равнины до Камчатки.

ISBN 978-5-94375-424-1

DOI: 10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-424-1

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН
© Государственный
Владими́ро-Суздальский
музей-заповедник
© Авторы статей, 2023

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

ПРЕДСЕДАТЕЛИ:

Проничева Екатерина Владимировна, генеральный директор Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника

Макаров Николай Андреевич, д.и.н., академик РАН, директор Института археологии РАН

ЧЛЕНЫ ОРГКОМИТЕТА:

Рыжков Олег Владимирович, заместитель генерального директора Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника

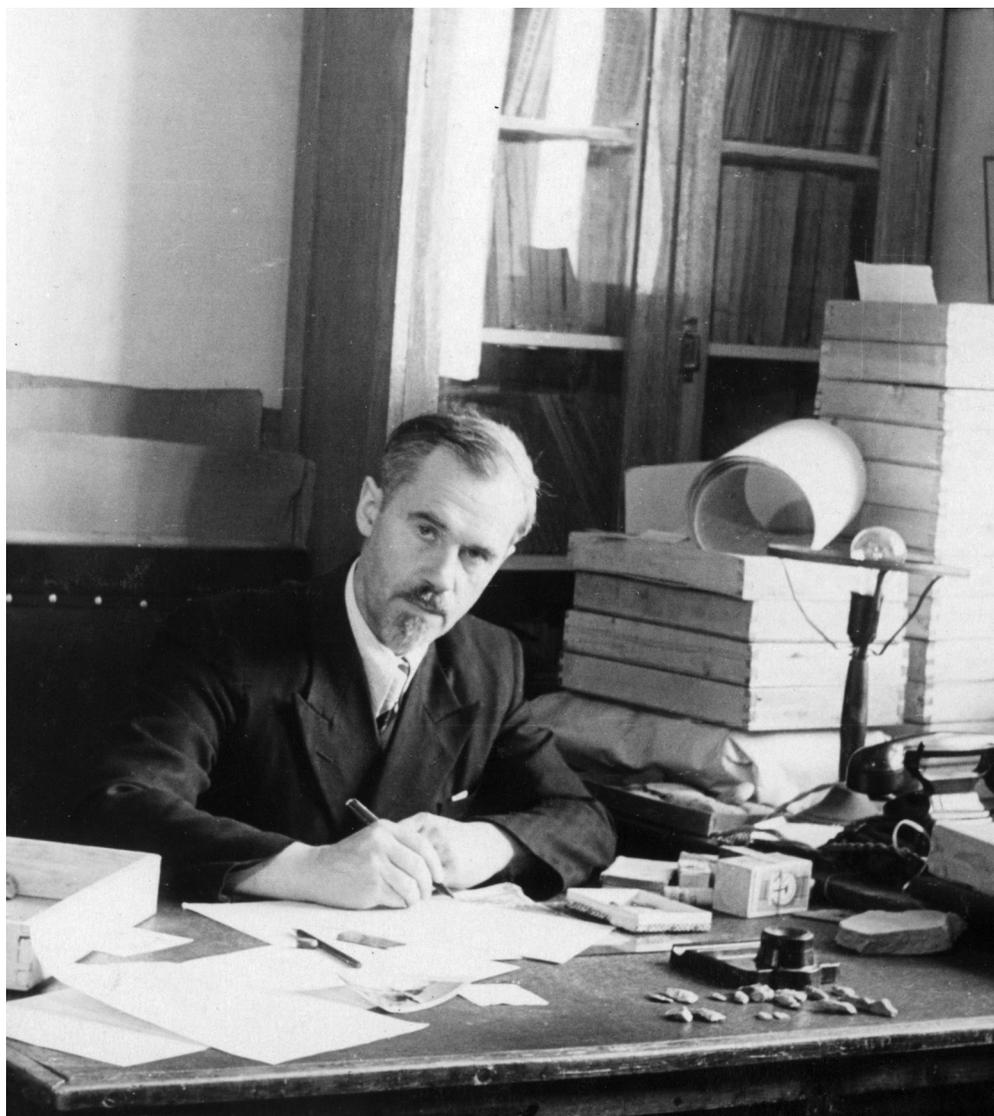
Меньшикова Татьяна Валентиновна, Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник, ученый секретарь

Базилевич Людмила Олеговна, Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник, заведующая отделом учета музейного фонда

Гаврилов Константин Николаевич, к.и.н., ст.н.с. Отдела археологии каменного века Института археологии РАН

Лев Сергей Юрьевич, к.и.н., н.с. Отдела археологии каменного века Института археологии РАН

Хлопачев Геннадий Адольфович, к.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, заведующий отделом археологии

Отто Николаевич Бадер
16 (29) июня 1903 – 2 апреля 1979

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальная проблематика изучения Сунгирской верхнепалеолитической стоянки <i>Гаврилов К.Н., Лев С.Ю.</i>	8
Атрибуция Сунгира в контексте современных тенденций ревизии концепции археологических культур <i>Синицын А.А.</i>	9
The Sungirian Civilisation and its meanings in Eastern Europe <i>Otte M.</i>	10
Гарчи I, Костёнки I (5) и Сунгирь: сравнительный анализ каменного инвентаря и основные историко-культурные выводы <i>Павлов П.Ю.</i>	11
Копья и дротики из бивня мамонта Сунгирской палеолитической стоянки: технико-морфологические характеристики и особенности расположения в погребении <i>Хлопачев Г.А.</i>	12
Контекст обнаружения стрелецких наконечников в культурных слоях выше тефры С1/У5 в Костёнках <i>Бессуднов А.А., Лада А.Р., Синицын А.А.</i>	14
Костёнковские древности между ориньяком и граветтом: вопросы атрибуции и периодизации <i>Лисицын С.Н.</i>	15
Украшения Сунгира в контексте проблемы появления искусства верхнего палеолита <i>Житенёв В.С., Виноградова Е.А., Статкус М.А., Анисовец Ю.Д.</i>	16
Хронология Сунгира, взгляд из 2023 г.: результаты, проблемы, поиск решения <i>Кузьмин Я.В., Гаврилов К.Н.</i>	18
Анализ радиоуглеродных дат верхнепалеолитической стоянки Сунгирь <i>Чечушкова Д.И.</i>	19
Природная обстановка времени обитания человека на стоянке Сунгирь: реконструкция по палинологическим данным <i>Борисова О.К., Нарышкина Н.Н.</i>	22
К вопросу о генетическом разнообразии европейских палеолитических групп <i>Бужилова А.П.</i>	23
Морфотип сунгирского населения в сравнительном освещении (по данным посткраниального скелета) <i>Медникова М.Б.</i>	24

Способы получения микропластин в индустриях Костёнок в контексте развития микропластинчатой техники раннего верхнего палеолита Европы <i>Лада А.Р., Бессуднов А.А., Сеницын А.А.</i>	25
Трасологический анализ стрелцевого наконечника из слоя In стоянки Костёнки 17 <i>Смолкина В.С.</i>	26
Двусторонне обработанные изделия Бетовской стоянки и комплекса 3 культурного слоя стоянки Бирючья Балка 2: сравнительный анализ технологии изготовления <i>Иванов Я.Д., Степанова К.Н., Очередной А.К.</i>	27
Фауна Бетовской стоянки (по материалам работ Верхнедеснинских экспедиций ИИМК РАН) <i>Бурова Н.Д., Иванов Я.Д., Очередной А.К.</i>	28
Контексты использования палеонтологических материалов в спицынской культуре раннего верхнего палеолита <i>Степанова К.Н., Курьянова М.Д.</i>	29
Сунгирь – 1969 г. Воспоминания участницы экспедиции <i>Михайлова Л.А.</i>	31
Триумф Бадера. О поездке сотрудников сектора палеолита в Сунгирь <i>Беляева В.И.</i>	32
Исследования Сунгирской стоянки в 2014 - 2015 гг. <i>Гаврилов К.Н., Лев С.Ю., Мащенко Е.Н., Панин А.В., Воскресенская Е.В.</i>	34
Начало верхнего палеолита в Северной Азии <i>Шуныхов М.В.</i>	35
Ранний верхний палеолит Денисовой пещеры: новые материалы <i>Козликин М.Б., Шуныхов М.В.</i>	36
Стоянка Сабаниха-3 – новая стоянка раннего верхнего палеолита на Среднем Енисее <i>Харевич В.М., Харевич А.В., Бочарова Е.Н., Зольников И.Д., Клементьев А.М., Анойкин А.А.</i>	37
Новый комплекс многослойных стоянок раннего верхнего палеолита в Юго-Восточном Казахстане (Северный Тянь-Шань) <i>Ожерельев Д.В., Мамиров Т.Б.</i>	38
Развитый верхний палеолит в Восточном Казахстане (по материалам стоянки Ушбулак) <i>Павленок Г.Д., Бочарова Е.Н., Анойкин А.А.</i>	39
История формирования музейной коллекции археологических предметов из раскопок верхнепалеолитической стоянки Сунгирь <i>Базилевич Л.О.</i>	40
Проблемы повторной реставрации археологических предметов <i>Гетьман Л.В.</i>	41

Искусство Янской стоянки <i>Питулько В.В., Павлова Е.Ю.</i>	42
Особенности утилизации человеком туши мамонта Юки (Якутия) в период около 38 тыс. л.н. <i>Ахметсалева Н.Б., Протопопов А.В., Мащенко Е.Н., Павлов И.С.</i>	44
Краски в верхнем культурном слое второго комплекса Костёнок 1 <i>Желтова М.Н.</i>	45
Красочные пигменты из культурного слоя и мужского погребения Сунгирия: предварительные результаты <i>Житенёв В.С., Лаврова В.Д., Абдрашитова И.В., Анисовец Ю.Д., Виноградова Е.А., Статкус М.А.</i>	46
Палеолитические красочные пигменты как массовый материал: предварительные результаты анализа и сравнения образцов Каповой пещеры и Каменной Балки II <i>Анисовец Ю.Д., Лаврова В.Д., Абдрашитова И.В., Виноградова Е.А., Статкус М.А., Житенёв В.С.</i>	47
Модель палеолита Нижнего Дона <i>Колесник А.В., Данильченко А.Ю., Виноградова Е.А., Зоров Ю.Н.</i>	48
Хроностратиграфия Афонтовой Горы V – группы разновременных стоянок верхнего палеолита Енисея <i>Мещерин М.Н., Барков А.В., Муратов Е.С.</i>	50
Литолого-стратиграфические корреляции условий залегания культурных слоев раннего верхнего палеолита на стоянках Сунгирь и Хотылёво 2 <i>Воскресенская Е.В.</i>	51
Изделия персональной орнаментации в контексте погребальных традиций верхнего палеолита Камчатки <i>Федорченко А.Ю., Белоусова Н.Е.</i>	52
«Пирогенные архивы» антропогенной деятельности в верхнем палеолите (Центральная Россия) <i>Гольева А.А., Гаврилов К.Н., Хлопачев Г.А., Медведев С.П.</i>	53
Общий список авторов докладов.	55

АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ИЗУЧЕНИЯ СУНГИРСКОЙ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ

К.Н. Гаврилов, С.Ю. Лев

Институт археологии РАН

1. За последнюю четверть века в исследованиях материалов из раскопок Сунгирской верхнепалеолитической стоянки был достигнут значительный прогресс в таких сферах как: палеоантропология и палеогенетика, стратиграфия отложений, палеогеография, палеоклиматология. Полученные результаты позволяют нам достаточно уверенно судить об особенностях физического развития сунгирцев, их родственных связях, в одном случае – о причине смерти, а также – о природном окружении обитателей Сунгира.

2. К дискуссионным вопросам до сих пор относятся те, которые связаны с определением радиоуглеродного возраста этого археологического памятника, включая погребения, культурной и стадияльной атрибуции Сунгирской стоянки, а также реконструкции ее пространственной структуры.

3. Реконструкция пространственной структуры Сунгира может стать ключевой для решения перечисленных выше проблем, поскольку позволяет определить планиграфию находок и объектов, археологическую стратиграфию и, как результат, контекст датированных образцов и объектов, а также стрелецких и «ориньякоидных» элементов материальной культуры.

4. В настоящий момент, предварительно, можно утверждать, что культурные отложения Сунгирской верхнепалеолитической стоянки формировались как минимум в течение двух этапов. Погребения возникли, скорее всего, в конце первого этапа накопления археологического материала, а радиоуглеродные даты, по крайней мере, в пределах значений от 30 до 28/27 тыс. л.н. (некалиброванных) могут считаться валидными.

Исследования проведены в рамках выполнения НИР по теме «Развитие материальной культуры в каменном веке на территории Русской равнины и Кавказа: общие тенденции и локальные проявления» (№ НИОКТР 122011200271-7).

АТРИБУЦИЯ СУНГИРЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РЕВИЗИИ КОНЦЕПЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

А.А. Сеницын

Институт истории материальной культуры РАН

Проблема культурной принадлежности материалов любой палеолитической стоянки входит в число основных задач археологии. За небольшим исключением типа Костёнок-Авдеева-Зарайска или Пушкари-Клюссы, когда сходство охватывает практически все компоненты инвентаря, обычной является ситуация, когда прослеживается сходство по одним компонентам и различия по другим. Причем нередко стоянки, далеко отстоящие друг от друга в пространстве и во времени, дают больший уровень сходства, чем одновременные материалы одного региона. Для кого-то это стало основанием признания кризиса концепции археологических культур в палеолите, которая в любой трактовке предполагает пространственно-временную близость однокультурных материалов. Дополнительным основанием этому является фиксируемая в культурологии ситуация «продолжительности жизни» научных концепций на уровне 50 - 60 лет, за пределами которых чаще всего происходит их замена новыми.

Для Сунгирской стоянки проблема культурной принадлежности имеет специфику в виде поляризации стрелецкой и ориньякской атрибуции и уникального по содержанию и разнообразию археологического источника, связанного с погребениями и сопровождающим их инвентарем. Если считать два варианта альтернативными, то отнесение материалов Сунгирия к одному кардинально меняет представление об облике материальной культуры любого из них.

Вторым моментом современного состояния проблемы является выраженная тенденция пересмотра таксономии палеолита вплоть до полного отрицания ее необходимости.

Третьим – бурное развитие палеогенетических исследований и естественное желание археологии использования их для своих реконструктивных построений. При этом, на практике, приоритет отдается первым на основе традиционных представлений о большей точности естественно-научных дисциплин по сравнению с гуманитарными.

В сложившейся ситуации и с учетом приоритетов отечественной первобытной археологии в формировании концепции археологических культур ее «кризисное» состояние связывается не с теоретическими основаниями, а с методами практической реализации. В первую очередь – с методом аналогий, который остался на том же уровне, на котором был во время обоснования археологических культур в 50-е гг. прошлого века А.Н. Рогачёвым. В области интерпретации культур незаслуженно забытой кажется теория лингвистической относительности,

практическая реализация которой также напрямую связана с разработкой проблемы внутри- и междутипологической вариабельности каменного инвентаря. Показательно возрождение интереса к детальной дифференциации компонентов материальной культуры, в первую очередь к разделению средств домашне-хозяйственной и охотничьей деятельности, причем практически в том же виде, в котором это предполагалось А.Н. Рогачёвым более 50 лет назад.

Материалы Сунгирия представляются узловой точкой этого круга проблем как максимально выразительные и разнообразные по составу.

Исследование проведено в рамках ФНИ ГАН «Древнейшие обитатели Севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF–2022–0012) и проекта РФФ № 20-78-10151 «Палеолит Костёнок в общеевропейском контексте: развитие культуры в свете новой хронологии».

THE SUNGIRIAN CIVILISATION AND ITS MEANINGS IN EASTERN EUROPE

M. Otte

Université de Liège

1. One of the most famous discovery during XXth century, both indicate Paleolithic hierarchy and shamanism, being compared with nowadays behavior.

2. In the middle of south Russia, the Berutchia Balka sites contains numerous locations where the flints have been knapped in a leaf-point manner.

3. Berouchaia Balka, you find raw pieces (ébauches) and final products : leaf shaped points thin and elegant.

4. Beroutchaia Balka, site 4 with its long stratigraphy shows the long duration of the stay.

5. Crimea sites (Akkaïen) contain the origins of Beroutchaia Balka, to the north (Stage 5).

6. The Kostienki sites give the same industry than Sungir, below Aurignacian and Gravettian.

7. DNA of nowadays Eurasia (Chaix), showing the origins of Europeans in south-west Asia.

8. Nowadays shamans bearing deer antlers and disks woven on his cloths (rejections of the bad influences).

ГАРЧИ I, КОСТЁНКИ I (5) И СУНГИРЬ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ И ОСНОВНЫЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ВЫВОДЫ

П.Ю. Павлов

ФИЦ Коми научный центр УрО РАН

Институт языка, литературы и истории

Изучение особенностей распространения культуры верхнего палеолита на территории Восточной Европы является одним из ведущих направлений исследований в палеолитоведении Евразии. В этой связи интенсивно дебатировались вопросы происхождения и эволюции стрелецкой культуры, выделенной в 50–60-х гг. прошлого столетия А.Н. Рогачёвым и Г.П. Григорьевым и считающейся одной из древнейших культур верхнего палеолита (?) Восточной Европы (Аникович, 2005).

В настоящее время ареал ее памятников занимает значительную часть Восточно-Европейской равнины: от Северского Донца на юге (стоянка Бирючьа Балка) до верхнего течения Камы (стоянка Гарчи I) на севере. В последние годы в изучении стрелецкой культуры достигнут заметный прогресс. Определены временные рамки существования стрелецких памятников в Костёнках. Результаты новых полевых исследований стоянки Сунгирь позволили высказать предположение о гетерогенности коллекции памятника, в которой наряду со стрелецким комплексом представлены материалы иной верхнепалеолитической индустрии. Проведены стационарные исследования самого северного памятника культуры – стоянки Гарчи I. В бассейне верхней и средней Камы выявлены новые стрелецкие памятники – Сорокино и Сосновское III. Эти достижения позволяют с учетом новых данных рассмотреть вопросы распространения и эволюции стрелецкой культуры на территории Восточной Европы во второй половине среднего валдая (MIS3).

Классическим памятником стрелецкой культуры на северо-востоке Европы является стоянка Гарчи I (29 тыс. ¹⁴C л.н.), которая безусловно существенно моложе стоянок костёнковской группы. В Костёнках представлены стрелецкие индустрии, синхронные или, возможно, более древние, чем пластинчатые верхнепалеолитические комплексы, а достоверные стрелецкие памятники моложе 35 тыс. ¹⁴C л.н. неизвестны. (Dinnis et al., 2021; Бессуднов и др., 2020. С. 14–15). Тем не менее технико-типологические характеристики каменного инвентаря стоянки Гарчи I практически идентичны таковым более ранних костёнковских памятников культуры, в частности индустрии стоянки Костёнки I (5) (Павлов, 2022; Dinnis et al., 2021).

Значительное сходство инвентарей памятников костёнковско-стрелецкой культуры Костёнковско-Борщёвского района и стоянки Гарчи I, расположен-

ной в 1,4 тыс. км северо-восточнее, свидетельствует в пользу физического перемещения (миграции) населения.

К этой же волне миграции на северо-восток Восточно-Европейской равнины, вероятно, относится стоянка Сунгирь (28–27 тыс. ^{14}C л.н.) (Gavrilov, 2021), часть материалов которой, бесспорно, принадлежит к стрелецкой культуре. Стрелецкий комплекс Сунгирия имеет существенные черты сходства с индустрией стоянки Гарчи I, которые выражаются по многим параметрам и, прежде всего, в аналогичных типах наконечников – треугольных со слабой выемкой и выделенным углом базы и вытянутых треугольных с прямым основанием. В коллекциях обеих стоянок присутствуют небольшие округлые и кареноидные скребки и продольные скребла.

Одним из возможных объяснений появления стрелецких памятников на северо-востоке Восточно-Европейской равнины может быть связано с проникновением в центр равнины около 35 тыс. ^{14}C л.н. ориньякской популяции (Dinnis et al., 2019: 35) и вытеснением пришельцами аборигенного (возможно, неандертальского) населения на северо-восток (Гарчи I), юг (Бирючья Балка) и юго-запад (Высь) равнины.

КОПЬЯ И ДРОТИКИ ИЗ БИВНЯ МАМОНТА СУНГИРСКОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ: ТЕХНИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ОСОБЕННОСТИ РАСПОЛОЖЕНИЯ В ПОГРЕБЕНИИ

Г.А. Хлопачев

*Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН*

Открытое на верхнепалеолитической стоянке Сунгирь в 1969 г. О.Н. Бадером парное погребение мальчиков-подростков с богатым сопроводительным инвентарем, изготовленным из бивня мамонта, принесло этому памятнику мировую известность. Уникальным случаем для захоронений эпохи палеолита стало обнаружение в одной могильной яме большого количества предметов охотничьего вооружения, которые, по мнению О.Н. Бадера, включали в себя копья, дротики и кинжалы. В основу такого членения исследователем был положен принцип предполагаемого функционального использования найденных орудий. К копьям он отнес два самых крупных, длиной 1,66 и 2,47 м, предмета, которые, по мнению О.Н. Бадера, не могли применяться в качестве метательного оружия. Другие, уступавшие им по длине, находки он разделил

на дротики – метательные копья и кинжалы – более короткие, длиной всего 0,35–0,40 м, изделия, особым образом размещенные в могильной яме относительно тел погребенных. Кинжалы были ориентированы острыми концами в сторону ступней того погребенного, рядом с которым они лежали, в то время как дистальные части копий и дротики, помещенные с ним, были направлены в противоположную сторону.

Наше изучение предметов вооружения из парного погребения показало, что размерные характеристики и особенности археологического контекста являются важными, но недостаточными критериями для классификации данного комплекса находок. Техничко-морфологический анализ трех кинжалов, двух копий и десяти дротиков, хранящихся в фондах Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника, показал, что эти предметы вооружения изготавливались по одной технологической схеме. Заготовкой для них служил уплощенный стержень ладьевидной формы. Вначале заготовка формировалась на поверхности бивневой основы, а затем с помощью клиньев отделялась от нее. Данная техника в значительной мере определяла форму и пропорции будущего оружия. Все предметы вооружения Сунгирской стоянки представляют собой изделия в виде плоского стержня, с неправильным подовальным поперечным сечением. Наиболее широкий и массивный участок тулова сунгирского оружия находится в его средней части, но ближе к проксимальному концу. В направлении концов от этого участка ширина и толщина изделия постепенно уменьшается, переходя на более протяженной дистальной части в тонкое шиловидное хорошо заточенное острие. При этом проксимальный конец мог оформляться двумя способами.

Одна группа изделий имеет проксимальный конец ланцетовидной формы, у которого одна из широких сторон формировалась уплощенной площадкой, находящейся под небольшим углом к его основанию. Подобными конструктивными особенностями обладали и копья, и кинжалы, и большинство дротиков из парного сунгирского захоронения, представленные как в южном, так и северном погребениях. Их отличает только длина. Данный факт, а также отсутствие у кинжалов выделенной рукояти, отсутствие устойчивости в их положении на теле погребенных (у плечевой кости, у голени, в области таза вместе с другими категориями находок) дают основание видеть в них наконечники древкового оружия.

У другой группы – проксимальный конец представлял собой острие, но более массивное и более короткое, нежели на острие на дистальном конце поделки. Подобным образом были оформлены всего три дротика из погребения – два из южного и один из северного погребения.

Особенности размещения морфологически различных видов древкового оружия, доказанный О.Н. Бадером факт присутствия в могиле деревянного древкового оружия, особенности положения и размещения тел подростков в могиле могут указывать на то, что погребальный ритуал мог носить характер инсталляции, созданной древними обитателями стоянки.

КОНТЕКСТ ОБНАРУЖЕНИЯ СТРЕЛЕЦКИХ НАКОНЕЧНИКОВ В КУЛЬТУРНЫХ СЛОЯХ ВЫШЕ ТЕФРЫ CI/Y5 В КОСТЁНКАХ

А.А. Бессуднов, А.Р. Лада, А.А. Сеницын

Институт истории материальной культуры РАН

Проблема возраста и длительности существования стоянок стрелецкой культуры, как и самой культуры на Русской равнине, находится в фокусе внимания исследователей более полувека (Рогачёв, 1957; Аникович, 1977; 2005; Бадер, 1978; Праслов, Рогачёв, 1982; Аникович, Рогачёв, 1984; Сеницын и др., 1997; Аникович и др., 2007; Павлов, 2009; 2022; Матюхин, 2012; Бессуднов и др., 2020; Dinnis et al., 2021; Гаврилов и др., 2021; Demidenko, Škrdla, 2021; Kuzmin et al., 2022, и др.). Ключевое значение для решения этого вопроса имеет комплекс многослойных стоянок в Костёнках. Вопрос о нижней хронологической границе стрелецкой культуры остается открытым, поскольку наиболее древние даты (>40 тыс. С¹⁴ л.н.) для костёнковских памятников были получены для не гомогенных комплексов и/или культурных слоев, залегающих в неясной стратиграфической позиции. Верхняя граница существования стрелецкой культуры в Костёнках, по последним данным радиоуглеродного датирования, определяется временем выпадения тефры CI/Y5 (Бессуднов и др., 2020; Dinnis et al., 2021).

Тем не менее проблема существования молодых стоянок «стрелецкой» атрибуции в Костёнках представляется куда более сложной, учитывая постоянно растущее число (на данный момент немногим менее 20 экз.) находок наконечников стрелецкого типа в культурных слоях выше тефры. Как правило, их попадание в молодые культурные слои объясняется по-разному: 1) естественными причинами, т.е. постдепозиционными процессами, биотурбациями (кротовины), смешением слоев и пр.; 2) подбором привлекающих внимание предметов и их использованием в качестве орудий труда или украшений/предметов культа более поздним инокультурным населением; 3) продолжением/трансформацией стрелецких культурных традиций вплоть до 23–24 тыс. С¹⁴ л.н. В докладе обсуждаются различные контексты залегания стрелецких наконечников в постпепловых культурных слоях и предпринимается попытка объяснения причин их появления в «чужих» комплексах в каждом конкретном случае.

Исследование выполнено в рамках реализации проекта РНФ № 20-78-10151 «Палеолит Костёнок в общеевропейском контексте: развитие культуры в свете новой хронологии».

КОСТЁНКОВСКИЕ ДРЕВНОСТИ МЕЖДУ ОРИНЬЯКОМ И ГРАВЕТТОМ: ВОПРОСЫ АТРИБУЦИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ

С.Н. Лисицын

Институт истории материальной культуры РАН

На многослойных стоянках Костёнковско-Борщёвского палеолитического района (КБР) на среднем Дону прослеживается наиболее подробная в Восточной Европе последовательность культурных слоев эпохи верхнего палеолита. Древнейшие эпизоды заселения территории связаны с протоориньякоидными комплексами (типа Костёнки 14/IVб и Костёнки 17/II) возрастом 37–36 тыс.л.н. (41,6–42,3 Cal ka), а также с типологически «архаичными» комплексами стрелецкой АК (Костёнки 1/V, Костёнки 6, Костёнки 12/III, Борщёво 5/IVб), имеющими весьма широкий разброс ¹⁴C датировок 43–34 тыс.л.н. (~46–39 Cal ka). Промежуточную или чуть более позднюю хронологическую позицию имеют ориньякские культурные слои (Костёнки 1/III, Костёнки 14/г.в.п.). Дискуссионным остается вопрос о непосредственной преемственности протоориньяка с ориньяком и хроноинтервал последнего в радиоуглеродных рамках ~35–32 тыс. л.н. (40,1–39,3 Cal ka) – в контексте возможной литологической связи ориньякских культурных слоев с горизонтом вулканического пепла. Вулканический пепел в Костёнковско-Борщёвском палеолитическом районе, связанный с катастрофическим извержением Флегрейских вулканических полей на юге Италии (кампанский игнимбрит Y5), определяется изотопными календарными датировками 40–39,3 Cal ka. В археологическом контексте тефра важна тем, что она маркирует хиатус, фиксирующий завершение древнейшего этапа заселения района в верхнем палеолите (~39 Cal ka) и определяет дискретность в сплошной последовательности уровней обитания, залегающих выше пепла.

Хроноинтервал последующего эпизода интенсивного обитания в КБР связан с городцовой АК (Костёнки 14/II, Костёнки 15) и ранним граветтом тельманской АК (Костёнки 8/II) в ¹⁴C диапазоне от 32 до 27 тыс. л.н. (~36–32 Cal ka). Их материалы ассоциированы с верхней частью верхней гумусированной толщи (брянский педокомплекс). Таким образом, временной разрыв между двумя эпизодами интенсивного обитания в регионе (т.е. между «ориньякским» и «граветтийским» эпизодами) составляет в среднем 5–6 тысячелетий, с которыми связаны лишь единичные археологические находки в КБР, к тому же еще и плохо датированные. К таковым можно отнести, согласно хроностратиграфической привязке к надпепловой толще и к кровле гумусированной толщи, следующие комплексы: Борщёво 5/III, Костёнки 12/Ia, Костёнки 14/III. Промежуточное положение описанных выше комплексов имеет значение, с одной стороны, для сужения интервала депопуляции терри-

тории КБР до периода 3–4 тысячелетий, с другой – для изучения последовательности обитания, сосуществования и взаимной аккультурации носителей ориньякоидных и граветтоидных индустрий.

Работа проведена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Древнейшие обитатели Севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF–2022–0012).

УКРАШЕНИЯ СУНГИРЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЯВЛЕНИЯ ИСКУССТВА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА

В.С. Житенёв¹, Е.А. Виноградова¹, М.А. Статкус², Ю.Д. Анисовец¹

1 – исторический факультет, МГУ им. М.В. Ломоносова

2 – химический факультет, МГУ им. М.В. Ломоносова

Появлению и распространению искусства, в т.ч. украшений, как одному из вопросов развития символического поведения в современном палеолитоведении уделяется большое внимание. Среди множества проблем, связанных с палеолитическими украшениями, выделяются такие, как, например, время и место возникновения самого феномена их использования; моно- или полицентричность появления украшений и связанные с этим вопросы о видах людей, использовавших их; дискуссии о причинах качественного географического разнообразия в типах и материалах украшений среднего и верхнего палеолита Европы и многое другое.

Наиболее ранние свидетельства использования украшений происходят из ряда памятников Африки и Ближнего Востока, которые напрямую связываются с деятельностью человека современного вида. Материалами для ранних украшений служили раковины моллюсков и скорлупа яиц страуса. В Европе наиболее древние (не дискуссионные) украшения на сегодняшний день связаны с деятельностью неандертальцев и были изготовлены из когтей (и перьев?) хищных птиц. После 70 тыс. л.н. и ближе к 50 тыс. л.н. ассортимент материалов для изготовления единичных типов украшений начинает медленно и постепенно расширяться. Возможно, на Алтае происходит аналогичная ситуация, но еще и с участием денисовского человека.

Возможно, в это же время в Европе появляются практики некоторого символического использования неандертальцами стен пещер, но без придания графическим проявлениям понятной нам фигуративной образности.

С началом последней волны расселения человека современного вида в Евразии происходит взрывной рост числа украшений на памятниках периода начального и раннего верхнего палеолита. Резко увеличивается и разнообразие материалов для их изготовления. На стоянках, связанных с деятельностью разных видов людей, появляется один из наиболее устойчивых типов украшений – из зубов животных. Следом, через некоторый небольшой промежуток времени, в Европе появляются во всем своем многообразии новые формы известных нам сегодня наиболее ранних образцов и памятников фигурного искусства палеолита – пещерное искусство и искусство малых форм. Ситуация с этими видами искусства в Азии пока не очень ясна.

Географическое местоположение памятников, в коллекциях которых представлены наиболее ранние украшения, в подавляющем большинстве связано с контактными территориями, где велика вероятность взаимодействия людей разных видов. По всей видимости, стремительное развитие новых знаковых форм социального взаимодействия связано с тесными соприкосновениями между группами представителей разных биологических видов. Следует особо отметить, что на разных, достаточно удаленных друг от друга территориях эксплуатируют схожий в своей основе набор животных, зубы которых используются для изготовления украшений. Возможно, ответ на вопрос об отсутствии тесной взаимосвязи между образами животных в монументальном и мобильном искусстве и набором видов животных, из зубов которых изготавливали украшения, проистекает из абсолютно разных условий и задач этапов возникновения и распространения этих явлений, что особенно хорошо видно на примере имеющегося хронологического разрыва между древнейшими украшениями из зубов животных и изображениями животных.

Предварительные итоги изучения украшений стоянки Сунгирь и первые результаты изучения его красочных пигментов, демонстрируют как типичные для раннего верхнего палеолита черты в наборе типов, технике изготовления и использования символических предметов и материалов, так и отголоски более ранних этапов появления, распространения и кодификации (макрорегионального дробления и появления устойчивых региональных составов наборов) украшений в Евразии, что позволяет рассматривать и использовать коллекцию памятника в качестве одного из важнейших эталонных источников по обсуждаемой проблематике.

Исследование частично выполнено в рамках гранта РФФ 23–28–00468.

ХРОНОЛОГИЯ СУНГИРЯ, ВЗГЛЯД ИЗ 2023 г.: РЕЗУЛЬТАТЫ, ПРОБЛЕМЫ, ПОИСК РЕШЕНИЯ

Я.В. Кузьмин¹, К.Н. Гаврилов²

1 – Институт геологии и минералогии СО РАН

2 – Институт археологии РАН

Изучение хронологии Сунгиря с помощью радиоуглеродного (¹⁴C) датирования началось в 1960-х гг. Первые ¹⁴C даты, полученные в лаборатории Геологического института АН СССР (ныне – РАН; г. Москва) в начале 1960-х гг. – 14 600–16 200 ¹⁴C лет назад (л.н.), – были позже признаны ненадежными в силу недостаточно разработанной методики подготовки образцов. В конце 1960-х гг. в лаборатории Университета Гронингена (г. Гронинген, Нидерланды) были получены 2 ¹⁴C даты – 24 400–25 500 л.н.; они были признаны как в целом соответствующие археологическому контексту. После длительного перерыва в лаборатории ГИН РАН по инициативе Л.Д. Сулержицкого в 1980-х–1990-х гг. было получено более 20 ¹⁴C дат по костям животных из культурного слоя, в целом укладывающихся в интервал 26 300–28 800 л.н. Ряд ¹⁴C дат (20 400–25 800 л.н.) был признан не связанным с археологическими материалами. После небольших раскопок в 2014–2015 гг. в лаборатории Оксфордского университета (г. Оксфорд, Великобритания) по костям животных было получено 5 ¹⁴C дат в интервале 28 900–30 200 л.н.

¹⁴C датирование человеческих скелетов из погребений Сунгиря методом ускорительной масс-спектрометрии (УМС) было начато в 2000 г. по инициативе Л.Д. Сулержицкого и продолжалось до 2021 г. На сегодняшний день (сентябрь 2023 г.) опубликовано 35 УМС ¹⁴C дат, указывающих на очень широкий хронологический интервал: от 15 250 л.н. до 30 100 л.н. Налицо явное противоречие (как внутри серии дат по костям людей, так и с ¹⁴C датами по костям животных из культурного слоя), одна из причин которого, вероятнее всего, является наличие консервантов на поверхности всех костей погребений, приводящих к омоложению ¹⁴C возраста. Однако, учитывая стратиграфию культурного слоя, согласно которой археологический материал залегал в двух литологических слоях, мы не можем уверенно отбрасывать данные о возрасте некоторых образцов в пределах 25/26 000–27 000 л.н. Проблема в данном случае состоит в том, что нам неизвестен их полный паспорт. Принимая во внимание накопленные на сегодня данные по стратиграфии Сунгиря и ¹⁴C датам по костям животных, которые не подвергались консервации химикатами, можно предварительно наметить время возникновения захоронений как период между 28 000 и 30 000 л.н. Вопрос о хронологии погребений Сунгиря, не имеющих аналогов в мире по богатству инвентаря, пока остается открытым. Для его решения необходимо устано-

вить стратиграфическую связь между погребениями и костями животных из культурного слоя, для которых получены надежные ^{14}C даты.

Исследования К.Н. Гаврилова проведены в рамках выполнения НИР по теме «Развитие материальной культуры в каменном веке на территории Русской равнины и Кавказа: общие тенденции и локальные проявления» (№ НИОКТР 122011200271–7).

АНАЛИЗ РАДИОУГЛЕРОДНЫХ ДАТ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ СУНГИРЬ

Д.И. Чечушкова

Институт археологии РАН

Хронологическая и культурная принадлежность Сунгирской стоянки до сих пор является спорной. Материальная культура, сочетающая как архаичные формы, селетоидные черты, так и ориньякоидные, в особенности в предметах украшений из бивня и рога, заставляет исследователей продолжать дискуссии (Гаврилов, 2004: 97, Аникович, 2005: 46).

Интерпретация радиоуглеродных дат Сунгирской стоянки является одной из наиболее обсуждаемых тем, касающихся вопроса о одновременности культурных слоев и, соответственно, существования разных уровней обитания (например, Алексеева, Бадер, 2000; Dobrovolskaya et al., 2012; Marom et al., 2012; Kuzmin et al., 2014). Неоднократно отмечалось, что многочисленные даты не согласуются между собой, даже если учесть «длинную хронологию Сунгирия» (Алексеева, Бадер, 2000). Сунгирская стоянка исследовалась условными горизонтами, и, несмотря на выделение не менее трех литологических слоев, содержащих культурные остатки, методика фиксации происходила по условным горизонтам без указания положения находки в том или ином культурном слое (Бадер, 1978). Одна из самых значимых трудностей, связанных с анализом и интерпретацией материальной культуры, заключается в методике раскопок: исследуемая площадь подразделялась на условные горизонты различной мощности. При этом описание методики раскопок условными горизонтами, приведенное в монографии О.Н. Бадера (Бадер, 1978: 25), противоречит данным полевых документов. Оказалось, что в разные полевые сезоны мощность условных горизонтов менялась.

К настоящему времени получено 60 радиоуглеродных дат (как сцинтилляционных, так и AMS), из них 35 – по костям животных, 20 – по костям человека, 3 – по древесному углю или углистой земле, 2 – по почве (Алек-

сеева, Бадер, 2000: 30; Кузьмин и др., 2004; Marom, 2012; Dobrovolskaya et al., 2012, Кузьмин и др., 2014; Кузьмин и др., 2022). Из 40 дат по костям животных, углю и почве, 33 – это датировки, полученные сцинтилляционным методом в лаборатории ГИН РАН, но, что особенно важно, образцы для этих дат были взяты с основной раскопанной площади памятника.

Стратиграфия Сунгиря имеет следующий вид: основная часть находок залегает в брянской погребенной почве (Бадер и др., 2000: 22), которую подстилает стерильная светло-желтая супесь, с углубленными в нее объектами. Первые находки встречались выше брянской почвы – в среднем в 20 см над ней, в перекрывающем палевом суглинке (Бадер, 1978: 29). Погребенная почва разделяется на два горизонта: верхний – более светлый и нижний, более темный. Данное различие было замечено не сразу, и лишь с конца 1960-х гг. на полевых разрезах начинает появляться разделение почвенно-культурного слоя на две части. Вероятность того, что различные литологические слои внутри погребенной почвы отражают различные уровни обитания на стоянке, не исключена, и данная работа представляет собой попытку соотнести каждый образец для радиоуглеродного датирования с тем или иным литологическим слоем.

Для верификации радиоуглеродных дат Сунгирской стоянки было проделано следующее:

- Верификация паспорта образца по архивным данным и полевым отчетам.
- Планиграфический анализ мест отбора материала.
- Стратиграфический анализ мест отбора материала и поиск ближайшего сохранившегося стратиграфического разреза.

Для определения стратиграфической позиции верифицированных образцов было произведено соотнесение условного горизонта с литологическим слоем посредством проекции его на ближайший разрез.

В результате проделанной работы были сделаны следующие выводы:

1. Существенную сложность при стратиграфическом анализе представляет выявленная нами при анализе полевых чертежей различная мощность условных горизонтов, использованная автором раскопок в различные годы. По этой причине анализ любых материалов с привязкой к равновеликим (даже в пределах одного раскопа) условным горизонтам будет ошибочным.

2. В результате анализа паспортов образцов были выявлены даты, не соответствующие критериям верификации (15 дат), а также даты, проходящие верификацию (19 дат). Выявлено, что одна дата (ГИН–10883) получена по образцу, залегавшему в древней ложбинке – углубленном объекте естественного происхождения, использовавшемся древним человеком в качестве

места для утилизации мусора. Также были дополнены паспорта образцов, согласно полевым планам и отчетам, в которых была неполная информация.

3. Среди прошедших верификацию пять дат не могут быть соотнесены с литологическими слоями, однако место их отбора зафиксировано и они, несомненно, маркируют возраст стоянки. Их привязка может оказаться возможной в будущем, в случае обнаружения недостающих чертежей разрезов. В соответствии с отчетами О.Н. Бадера, разрезы оставлялись каждые 3 метра (ссылка), однако большая часть чертежей в архивах ИА РАН и Н.О Бадера отсутствует.

4. Планиграфически и стратиграфически надежные (но некалиброванные) даты (12 дат) укладываются в промежуток около 4000 лет – от 29 000 л.н. до 25 000 л.н.

5. В результате соотнесения местоположений образцов с разрезами выявлена корреляция между стратиграфией памятника и возрастом образцов: образцы из вышележащих слоев обладают более поздним возрастом по сравнению с нижележащими. Лишь одна дата не соответствует ожидаемой стратиграфической позиции исходя из возраста: ГИН-10884, 28600 ± 600 (№ 34 в данной нумерации), происходящей из первого условного горизонта. Привязать данный образец к литологическому слою не удалось, но общая стратиграфия памятника указывает, что его местоположение скорее всего относится к покровному суглинку или к самой верхней части почвенно-культурного слоя. Также единственная AMS дата (ОхА-9039, 27460 ± 310) входит в некоторое противоречие с указанной корреляцией и, возможно, демонстрирует низкую точность всей серии сцинтилляционных дат.

Исследования Д.И. Чечушковой проведены в рамках выполнения НИР по теме «Развитие материальной культуры в каменном веке на территории Русской равнины и Кавказа: общие тенденции и локальные проявления» (№ НИОКТР 122011200271–7).

ПРИРОДНАЯ ОБСТАНОВКА ВРЕМЕНИ ОБИТАНИЯ ЧЕЛОВЕКА НА СТОЯНКЕ СУНГИРЬ: РЕКОНСТРУКЦИЯ ПО ПАЛИНОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

О.К. Борисова, Н.Н. Нарышкина

Институт географии РАН

Время обитания человека на стоянке Сунгирь приблизительно соответствует заключительному потеплению длительного средневалдайского мегаинтерстадиала – дунаевскому интерстадиалу. Данные спорово-пыльцевого анализа, полученные Е.А. Спиридоновой по разрезу Сунгирь-87 (Лаврушин, Спиридонова, 1998), показывают, что в окрестностях стоянки была распространена перигляциальная лесостепь – своеобразная комплексная растительность, в которой сочетались лесные фитоценозы, образованные бореальными древесными породами (березой, сосной и елью) с примесью видов, характерных в настоящее время для более континентальных районов (например, сосны сибирской); сообщества холодных сухих степей со значительной ролью полыней и маревых, с участием галофитов и гелиофитов; заросли кустарников, болотные и водные сообщества. В разрезе Сунгирь-87 наибольшая доля пыльцы ели в спектрах отмечена в культурном слое, что отражает существование стоянки в период наибольшего потепления и смягчения континентальности климата, т. е. в оптимальную фазу дунаевского интерстадиала. Изменения в составе пыльцевых спектров при переходе к эпохе поздневалдайского оледенения отражают обеднение состава лесов и расширение безлесных сообществ в условиях значительного похолодания.

Для более подробной реконструкции изменений состава растительных сообществ в интервале от оптимума дунаевского интерстадиала до максимума последнего оледенения нами был проведен эколого-ценотический анализ последовательного ряда ископаемых флор по разрезу донных осадков Галичского озера. Несмотря на значительное расстояние между разрезами, спорово-пыльцевая диаграмма по разрезу Галич-2 (Величко и др., 2001) сходна с диаграммой по разрезу Сунгирь-87 во всех основных чертах, что подтверждает существующие представления об относительной однородности гляциальной и, в частности, интерстадиальной растительности в среднеширотной полосе Восточно-Европейской равнины. Анализ современного географического распространения видов растений, входивших в состав флоры оптимума дунаевского интерстадиала из разреза Галич-2, показал, что территория, где в настоящее время обитает наибольшее число видов этой флоры, находится в западных предгорьях Южного Урала, в средней части бассейна р. Уфы. По современным климатическим условиям, существующим в пределах этого района-аналога, реконструированы основные климатические показатели для района Галичского озера: в оптимум дунаевского интерстадиала средняя температура июля была близка к современной (17–19 °С), тогда как средняя температура января была ниже современной на 6–7 °С. Годовая сумма осадков составляла 500–700 мм при современном

значении 675 мм. Таким образом, климат этого потепления был более суровым и континентальным, а также несколько менее влажным, чем современный.

Развитие похолодания при переходе от дунаевского интерстадиала к поздневалдайскому оледенению на раннем этапе особенно ярко проявилось в понижении летних температур (не менее чем на 5–7 °С), что привело к выпадению наиболее теплолюбивых растений из состава флоры. Столь значительные изменения в регионе в целом неизбежно должны были привести к существенному сокращению (обеднению) пищевых ресурсов, доступных обитателям стоянки Сунгирь. Так, например, при похолодании из состава изученной нами флоры выпали такие ценные в пищевом отношении растения, как кувшинка и кубышка. Подобные негативные последствия изменения климата могли заставить обитателей стоянки покинуть ее в поисках более благоприятных условий.

К ВОПРОСУ О ГЕНЕТИЧЕСКОМ РАЗНООБРАЗИИ ЕВРОПЕЙСКИХ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ГРУПП

А.П. Бужилова

НИИ и Музей антропологии, МГУ им. М.В. Ломоносова

Институт археологии РАН

Данные, полученные в ходе исследований костных останков методами палеоантропологии и палеогенетики, могут быть важным источником реконструкции структуры и образа жизни палеолитических групп.

В докладе представлены результаты сравнительного анализа костных и зубных аномалий европейских верхнепалеолитических останков (в том числе индивидуумов из Сунгирия и Костёнок) в контексте генетических данных, полученных по разным участкам генома. Обсуждается прогностическое родство групп, эффективный размер групп, который можно реконструировать с учетом данных палеогенетики. Обсуждается механизм соотношения результатов морфологического (фенетического) анализа и генетических данных, которые на первый взгляд демонстрируют противоположные тенденции. По результатам палеопатологического анализа – это близкие по биологическим критериям группы, однако палеогенетическая реконструкция настаивает на нескольких принципиальных моментах: формировании большого круга брачных связей и численности племенных групп, близких современным традиционным обществам охотников-собирателей. Отдельное внимание обращено на реконструкцию миграций с учетом хронологии генетических маркеров.

МОРФОТИП СУНГИРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В СРАВНИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ (ПО ДАННЫМ ПОСТКРАНИАЛЬНОГО СКЕЛЕТА)

М.Б. Медникова

Институт археологии РАН

Широкое распространение людей различного происхождения по Евразии (неандертальцев, кроманьонцев, денисовцев) в плейстоцене создало почву для проявления различных тенденций биологической адаптации. Ключевым моментом микроэволюционных процессов в контрастных средах ледникового периода, по-видимому, стал теплообмен. Учитывая климатические изменения этой эпохи и миграцию Номо на дальние расстояния, радиация обладателей морфотипов, адаптированных к холодовому стрессу или, напротив, к жарким условиям обитания, должна отражаться в основных характеристиках строения скелета или даже в некоторых микроструктурных особенностях скелетной системы. Ряд европейских и алтайских неандертальцев (из гротов Ла-Ферраси, Киик-Коба, из Окладниковой, Денисовой и Чагырской пещер) и верхнепалеолитического человека (Усть-Ишим, Костёнки, Сунгирь, Абри Пато и др.) демонстрируют разную степень биологического приспособления к холоду. Что касается размеров тела и пропорций скелета, а также некоторых особенностей микроструктуры костной ткани у неандертальцев и анатомически современных людей из Европы и Азии, выявленных при помощи современных радиологических методов, можно утверждать, что плейстоценовое человечество было полиморфным в своих адаптивных реакциях, включая формы, адаптированные к теплу и к холоду.

На широком сравнительном фоне люди со стоянки Сунгирь обнаруживают комплекс своеобразных особенностей скелетной конституции. Большие продольные размеры тела и взрослого, и ювенильных индивидов сближают их с крупными акцелерированными формами. Линейные пропорции верхней и нижней конечности и особенно микроанатомические характеристики костной ткани говорят о достаточно далеко зашедшей адаптации к холодовому стрессу, сопоставимой с показателями, характерными для эскимосов.

Исследование выполнено в рамках госзадания: «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем», № НИОКТР 122011200264-9.

СПОСОБЫ ПОЛУЧЕНИЯ МИКРОПЛАСТИН В ИНДУСТРИЯХ КОСТЁНОК В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ МИКРОПЛАСТИНЧАТОЙ ТЕХНИКИ РАННЕГО ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЕВРОПЫ

А.Р. Лада, А.А. Бессуднов, А.А. Сеницын

Институт истории материальной культуры РАН

В докладе представлены предварительные результаты изучения способов получения микропластин индустрий ранней поры верхнего палеолита Костёнок. На основании стратиграфические корреляции и радиоуглеродного возраста стоянки ранней поры верхнего палеолита Костёнок могут быть разбиты на три хронологические группы, соответствующие нижней гумусированной толще, уровню вулканического пепла и верхней части верхней гумусированной толщи. В ходе исследования удалось установить связь между определенными способами получения микропластин и группами стоянок.

На первом этапе (36,5–34,3 тыс. л.н.) наиболее часто для получения микропластин использовались резцы-нуклеусы и кареноидные нуклеусы для микропластин, на втором этапе (34,3–32,5 тыс. л.н.) наиболее широкое распространение имеет получение микропластин с кареноидных скребков с широким фронтом скалывания, на завершающем этапе (30,5–28 тыс. л.н) мы снова фиксируем увеличение количества способов при преобладании кареноидных скребков (?).

Способы получения микропластин всех трех рассмотренных этапов в большей или меньшей степени сходство и/или имеют прямые аналогии в материалах памятников различных стадий ориньяка *sensu lato* Западной Европы. На разных хронологических этапах это сходство может проявляться по-разному: количественно (по соотношению типов нуклеусов для микропластин), так и по факту наличия специфических форм нуклеусов для микропластин. В совокупности полученные в ходе исследования данные позволяют нам с осторожностью говорить о сходстве траекторий развития микропластинчатой техники в раннем верхнем палеолита Восточной и Западной Европы.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №20-78-10151 «Палеолит Костенок в общеевропейском контексте: развитие культуры в свете новой хронологии».

ТРАСОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТРЕЛЕЦКОГО НАКОНЕЧНИКА ИЗ СЛОЯ In СТОЯНКИ КОСТЁНКИ 17

В.С. Смолкина

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербургский государственный университет

При раскопках стоянки Костёнки 17 на новом участке был обнаружен ранее неизвестный культурный слой (In), приуроченный к отложениям верхней гумусированной толщи. Несмотря на небольшое склоновое смещение, культурный слой залегал в четкой стратиграфической позиции. Коллекция каменного инвентаря включает два наконечника стрелецкого типа (целый и фрагмент), а также два скола вторичного утоньшения бифасов. Это свидетельствует о том, что стрелецкие наконечники/бифасы производились на стоянке. Так, в Костёнках был обнаружен предположительно гомогенный стрелецкий комплекс возрастом 28–32 тыс. некал. л.н. Трасологическое изучение стрелецких наконечников из слоя In Костёнок 17 направлено на предварительную оценку сохранности износа и степени постдепозиционных повреждений кремневого инвентаря. В ходе работы с коллекцией на одном из наконечников был зафиксирован метательный износ, на других артефактах коллекции – общий недифференцированный неутилитарный износ, варианты генезиса которого (появление в результате транспортировки артефактов или их залегания в слое) будут обсуждаться в докладе.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-78-10151)
<https://rscf.ru/en/project/20-78-10151/>

ДВУСТОРОННЕ ОБРАБОТАННЫЕ ИЗДЕЛИЯ БЕТОВСКОЙ СТОЯНКИ И КОМПЛЕКСА 3 КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ СТОЯНКИ БИРЮЧЬЯ БАЛКА 2: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ

Я.Д. Иванов, К.Н. Степанова, А.К. Очередной

Институт истории материальной культуры РАН

Двусторонне обработанные изделия комплекса 3 культурного слоя стоянки Бирючья Балка 2 в бассейне Северского Донца традиционно связываются со стрелецкой культурой и представляют один из наиболее ярких памятников, относящихся к этой культурной общности, – при этом с полным контекстом производства двусторонних изделий и находками разной степени завершенности.

Сходство с индустриями этого комплекса, в первую очередь с точки зрения морфологических особенностей, демонстрируют изделия Бетовской стоянки в бассейне Верхней Десны, также близкой к комплексу 3 культурного слоя Бирючьей Балки 2 по абсолютным датировкам и стратиграфическим характеристикам. Состояние сохранности культурного слоя Бетовской стоянки считалось Л.М. Тарасовым близким к непотревоженному, несмотря на сложное строение толщи отложений, комплекс относился исследователем к позднему этапу среднего палеолита региона и связывался с истоками стрелецкой культуры. При возобновлении исследований состояние сохранности слоя и его культурная атрибуция подверглись переоценке, в частности ревизии и более детальному анализу подвергнуты двусторонне обработанные изделия Бетово. По итогам технико-типологического изучения, включающего анализ последовательности скалывания, можно говорить о том, что двусторонняя обработка в индустрии Бетовской стоянки очень вариативна и представлена разнообразными способами утончения и подготовки лезвийных кромок. Среди описанных изделий нет четко соотносимых со среднепалеолитическими индустриями форм, их морфология указывает на широкое применение технологии вторичного утончения, которая, вместе со связанной с ней специфической техникой скола, на данный момент серийно фиксируется только в верхнем палеолите. Следовательно, по крайней мере, для ряда бифасиальных изделий из Бетово отношение их к стрелецкой культуре не будет выглядеть противоречиво.

В докладе демонстрируются результаты анализа последовательности изготовления двусторонне обработанных изделий названных стоянок с учетом соотношения систем скалывания.

Исследование проводится в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшие обитатели Севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF-2022-0019).

ФАУНА БЕТОВСКОЙ СТОЯНКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ ВЕРХНЕДЕСНИНСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ ИИМК РАН)

Н.Д. Бурова¹, Я.Д. Иванов², А.К. Очередной¹

1 – Институт истории материальной культуры РАН

2 – Институт истории, СПбГУ

Стоянка Бетово находится в 30 км от Брянска на северной окраине д. Бетово Брянской области. Стоянка расположена в прибортовой части обширного мыса, опирающегося на поверхность высокой поймы Десны. Памятник был открыт Л.М. Тарасовым в 1971 г. и изучался им с 1972 по 1983 г., в результате чего вскрытая площадь раскопа составила 465 м², где была собрана значительная коллекция фаунистических остатков и кремневого инвентаря. На раннем этапе исследований стоянка была определена Л.М. Тарасовым как принадлежащая к позднему мустье Центральной Европы. Позднее Л.М. Тарасов по наличию находок, интерпретированных как верхнепалеолитические типы орудий, определил связь между Бетовской стоянкой и стрелецкой культурой (Вишняцкий и др., 2019).

В 2007 г. коллективом Верхнедеснинской экспедиции ИИМК РАН под руководством А.К. Очередного была проведена разведочная зачистка памятника. Комплексное изучение стоянки под его руководством было возобновлено в 2009 г. и продолжено в 2015 и 2016 гг. Новая площадь раскопа составляет примерно 50 м².

На сегодняшний день, для культурного слоя получены многочисленные радиоуглеродные датировки, которые укладываются в интервал 38 000–28 000 тыс. л.н. (калиброванные даты), и он может коррелироваться с брянским интерстадиалом. Таким образом, имеется противоречие между довольно молодыми датами культурного слоя и культурой среднего палеолита. Исследователи стоянки предполагают, что в данном регионе среднепалеолитическая культура сохранялась дольше, чем в других районах Восточной Европы (Воскресенская, Маркова, 2019).

Тафономическое описание остеологического материала. Кости светло-коричневого, темно-коричневого и серого цвета. Выветренность костного материала незначительна. Материал сильно фрагментирован, целых костей почти нет. Нет следов окатанности текучей водой. Обожженные кости либо костные остатки со следами погрызов не отмечены. По данным А.К. Марковой, микротериологический материал имеет хорошую сохранность. Все кости имеют желтоватый цвет. Встречены многочисленные челюстные ветви с зубами. Выступающие углы конидов не обломаны. Следы переотложения не отмечены. Также не выявлены следы погрызов. Следы пищеварительной коррозии на костях отсутствуют (Воскресенская, Маркова, 2019).

Остеологический материал. Всего в остеологической коллекции насчитывается около 1000 костей. Видовой состав включает 6 видов крупных млекопитающих и 7 видов мелких млекопитающих. Определение костей мелких млекопитающих проводилось А.К. Марковой. В фауне крупных и средних размеров млекопитающих преобладают костные остатки сурка и зайца. В небольшом количестве были найдены кости песка, шерстистого носорога и северного оленя. Костные остатки мелких млекопитающих составляют в остеологической коллекции большую часть – 67,5%. Из 7 видов грызунов наиболее многочисленны находки копытного лемминга, узкочерепной полевки и степной пеструшки. Остальные виды представлены в незначительном количестве. Также были найдены остатки птиц и зубы акул.

На основании представленности костей скелета разных видов млекопитающих, особенно сурка и зайца, можно предположить, что на исследуемом участке стоянки разделка охотничьей добычи не производилась.

Согласно степени прирастания эпифизов возраст погибших молодых особей сурка, возможно, может указывать на то, что сезон функционирования Бетовской стоянки, скорее всего, приходится на осенний период.

Обнаруженная фауна как мелких, так и крупных млекопитающих является прекрасным индикатором существовавших суровых ландшафтно-климатических условий сильного похолодания (Воскресенская, Маркова, 2019).

КОНТЕКСТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ В СПИЦЫНСКОЙ КУЛЬТУРЕ РАННЕГО ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА

К.Н. Степанова, М.Д. Куприянова

Институт истории материальной культуры РАН

Спицынская культура, представленная материалами стоянки II слоя Костёнок 17 (далее К17/II) датируется в рамках 40–41 ka cal BP, что на фоне яркого культурного своеобразия позволяет относить комплекс к ранней поре верхнего палеолита. Среди отличительных черт спицынской культуры – богатая коллекция украшений из разнообразного местного сырья, изготовленных с применением сверления, тонкой гравировки и даже химической обработки. Помимо камешков каплевидной формы, бивня мамонта и зубов мелких хищников насельники К17/II собирали в окрестностях стоянки окаменелости девона, позднего мела, осадочные породы причудливых форм – все это приносилось на стоянку, частично было использовано как материал для украшений, частично

было оставлено без модификаций и, судя по следам довольно продолжительного пребывания в обиходе, может быть отнесено к категории манупортов.

Наибольшую известность из палеонтологических материалов K17/II имеют просверленные фрагменты ростров белемнитов, но в коллекции также есть находки ростров без отверстий, с ярко выраженными следами общего неутилитарного износа, различимыми даже невооруженным глазом и при небольшом увеличении, что подтверждается и на микроуровне трасологических наблюдений. Жилые трубки многощетинковых червей позднего мела, по всей видимости, были использованы на стоянке как своего рода бусинки или пронизки с естественными отверстиями, хотя зафиксировать следы износа на пористой поверхности оказалось непростой задачей. Окаменевшие части кораллов девона также служили не только сырьем для украшений: среди находок есть как отдельные чашечки колоколовидных кораллов, так и сравнительно крупные отдельные колонии, которые не подвергались обработке после того, как были принесены на стоянку. Спириферы из девонских отложений составляют заметную часть от «палеонтологической» коллекции K17/II, они не использовались как украшения, но некоторые из них отличаются перламутровой поверхностью, что не характерно для этих окаменелостей в необработанном виде – возможно, как и в случае с двумя белемнитовыми подвесками, для изменения свойств поверхности применялась обработка кислотами.

Таким образом, в материалах K17/II отмечается по меньшей мере два контекста, в которые были включены окаменелости, собираемые древними людьми. Первый из них – это производство украшений, в другом контексте палеонтологические находки выступали как своего рода объекты коллекционирования, надежные, вероятно, не только эстетической ценностью, но и символическим значением. Подобное поведение можно оценивать как яркое культурное своеобразие носителей спицынской культуры.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20–78–10151.

СУНГИРЬ – 1969 г. ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИЦЫ ЭКСПЕДИЦИИ

Л.А. Михайлова

В 1966 г. я поступила на исторический факультет Пермского государственного университета. Основы археологии преподавал один из первых пермских учеников О.Н. Бадера – В.А. Оборин. Благодаря ему в 1968 г. я была включена в группу студентов на раскопки стоянок эпохи палеолита на Урале: Грот Столбовой и Грот Близнецова, руководителем которых был О.Н. Бадер.

С этого времени моя экспедиционная жизнь определялась О.Н. Бадером. Конец 60-х и все 70-е гг. – это: Волчий грот в Крыму с Н.О. Бадером; Сунгирь – с 1969 г. и все последующие. Кроме этого – Костёнковская экспедиция под руководством А.Н. Рогачёва. Отто Николаевич определил и мою постоянную работу: с 1974 г. научным сотрудником Владимиро-Суздальского музея-заповедника, где значительно расширился опыт работы на памятниках неолита, бронзового века и средневековья. А самое главное, это продолжение исследования стоянки Сунгирь и после ухода из жизни Отто Николаевича в 80-е гг. под кураторством Н.О. Бадера и С.М. Цейтлина. (в 1986 г. – с Ю.А. Смирновым). Подготовка и проведение международных конгрессов. Конечно, была усвоена и чисто музейная работа: хранительская и экспозиционная.

Несмотря на такое многообразие занятий, Сунгирская экспедиция является самой яркой страницей в воспоминаниях. Это было своего рода сообщество, состоящее не только из археологов, геологов – четвертичников, палеонтологов, палеоботаников. Многие студенты из МГУ, ПГУ, Владимирского пединститута, школьники и студенты из Владимира, Коврова и других городов стали сунгирцами. Потом, выучившись на педагогов, врачей, инженеров, юристов, журналистов и пр., они по многу лет приезжали в экспедицию в отпуск. Все обязательно посвящались в сунгирцев. Такой обряд посвящения существовал на Сунгире задолго до 1969 г. Много лет его организовывал постоянный участник экспедиции журналист В.В. Зыбковец. Конечно, все знали и хором пели Сунгирский романс.

Погребение детей было открыто в конце полевого сезона. Я после летних месяцев пребывания на Сунгире уже была в Перми, начался учебный год. Но по просьбе О.Н. Бадера декан факультета И.С. Капцугович принял решение отпустить меня на целый месяц в экспедицию! Когда я приехала, уже были определены не только границы могильной ямы, но и то, что это двойное захоронение. Как это происходило, мне уже рассказывал сам О.Н. При этом восторг в глазах участников этого процесса – студенток МГУ, будущих антропологов, был непередаваемым. Они переживали это снова! Весь октябрь месяца мы расчищали погребение, не сдвигая с места тысячи бусин, открывая диски и мелкие кремневые отщепы, радуясь новым открытиям. Последним ярким открытием в это время было определение фигурки лошади на груди у мальчика.

А потом, затаив дыхание, смотрели и слушали великую троицу: О.Н. Бадера, В.И. Громова, М.М. Герасимова. Видели восторг Н.О. Бадера, приезжающих делегаций: сотрудников ВСМЗ, сектора палеолита Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и многих других.

К сожалению, мне не удалось наблюдать, как увозился в ИА монолит погребения. Вынуждена была уехать – шел учебный год. Но судьба развернулась так, что я стала хранителем сунгирских находок в музее. Потом, во время строительства новой исторической экспозиции во ВСМЗ, мы с Н.Н. Мошениной отвечали за показ ранней истории Владимирского края. Тогда впервые было выставлено большинство находок из погребения детей, включая копья и дротики; привезен муляж погребения; реконструкция внешнего облика не только мужчины из погребения, открытого в 1964 г., но и детей.

Естественно, храню память об О.Н. Бадере – большом ученом, истинном интеллигенте, учителе. Портрет его, где бы я ни жила, всегда на видном месте. Преклоняюсь перед профессионализмом реставраторов начала 70-х гг., которые изготовили слепок погребения детей, потом разобрали погребение, реставрировали те предметы, которые этого требовали. Радуюсь тому, что Н.О. Бадер в трудные 90-е гг. смог издать монографию, куда вошли все имеющиеся на тот момент материалы. Знаю, что хранение сунгирских находок во ВСМЗ на должном уровне. И, конечно, желаю современным исследователям Сунгиря новых открытий на основе современных научных методов изучения палеолита.

ТРИУМФ БАДЕРА. О ПОЕЗДКЕ СОТРУДНИКОВ СЕКТОРА ПАЛЕОЛИТА В СУНГИРЬ

В.И. Беляева

Встреча в Историческом музее в Москве

Будучи в Москве, вероятно, в начале двухтысячных годов, я решила посетить Государственный исторический музей, посмотреть на обновленные экспозиции. Немногочисленные посетители быстро переходили из зала в зал, редко останавливаясь возле маленьких черных табличек с описаниями эпох и предметов. Возле витрины с двойным Сунгирским погребением (копия) я остановилась. Табличка была все такая же маленькая, черная с мелкими белыми буквами. Не стараясь ее прочесть и почти не задерживаясь, люди проходили мимо этого уникального экспоната. Я не выдержала и почти за руки удержала возле витрины двух молодых людей. Рассказ мой был скорее восторженным, чем последовательным и обстоятельным. В нем звучали и «уникальность», и

«достояние страны». Отголоском тому восторженному рассказу была давняя поездка сотрудников ЛОИА в Сунгирь на место найденного погребения.

Поездка в Сунгирь

В октябре 1969 г. О.Н. Бадер разослал сотрудникам основных археологических институтов страны приглашения посетить Сунгирскую стоянку, где было полностью расчищено и готово к эвакуации в Москву двойное погребение. Ленинградцами приглашение было с благодарностью принято, билеты с большим трудом куплены, и сотрудники Сектора палеолита ЛОИА выехали в Сунгирь. Поездка была тяжелой, добирались через Петушки, и все очень устали, но настроение было радостное – предстояла встреча с уникальным, беспрецедентным по значимости памятником. Существенным было и то, что эта поездка была совершенно не «инспекторская». Многие из старших сотрудников Сектора помнили такие поездки в 50-е гг. в Костёнки к А.Н. Рогачёву, в Молодово к А.П. Чернышу. Там следовало подтвердить или опровергнуть археологические факты и теоретические выводы, сделанные на их основе. Здесь, в Сунгире, ничего не надо было подтверждать или опровергать, погребение говорило само за себя.

В Сунгирь мы приехали в 3 часа пополудни и увидели следующую картину: в центре ровной площадки возвышался правильной формы довольно высокий лессовый останец с тщательно расчищенным погребением сверху. Рядом с ним стояла большая белая пенопластовая крышка, очень похожая на крышку гроба. Справа от останца находился другой останец, такой же высоты, но совсем небольшой – на нем стояла маленькая вазочка с васильками. Между останцами спокойно стоял О.Н. Бадер в длиннополом тулупе с белоснежным клинышком бородки. Вся эта картина воспринималась как единое целое. Отто Николаевич сдержанно поприветствовал нас и попросил начать осмотр. Сумерки не заставили себя ждать, и заметно похолодало. Осторожно мы подходили к погребению. Скелеты были расчищены с большой тщательностью. Фотографировали, конечно, но всем было понятно, что лучшие фотографии будут в публикациях. Хотелось просто оставить все увиденное в памяти.

Наутро мы узнали, что ночью был мороз и погребение закрыли.

ИССЛЕДОВАНИЯ СУНГИРСКОЙ СТОЯНКИ В 2014–2015 гг.

К.Н. Гаврилов¹, С.Ю. Лев¹, Е.Н. Машенко^{2,3}, А.В. Панин⁴, Е.В. Воскресенская⁴

1 – Институт археологии РАН

2 – Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН

3 – Академия наук Республики Саха (Якутия) (АН РС (Я))

4 – Институт географии РАН

В 2014 и 2015 гг. были организованы комплексные исследования Сунгирской верхнепалеолитической стоянки.

В 2014 г. в одном из заложенных шурфов (№ 4) был обнаружен северо-западный край стенки, разделявшей раскопы I и III, оставленный О.Н. Бадером в законсервированном состоянии. В 2015 г. на месте шурфа № 4 был заложен раскоп общей площадью около 30 кв. м.

Раскоп 2015 г. и шурфы 2014 г. располагались на перегибе пологого междуречного склона: к северо-востоку, в сторону руч. Сунгирь, его крутизна возрастает до 2–3°, к юго-западу, в сторону междуречья, уменьшается до менее чем 1°. Незначительный наклон (<1°) существует также к юго-востоку, в сторону Сунгирского городища и долины р. Клязьмы. Такие незначительные уклоны неблагоприятны для развития линейной эрозии (оврагов, глубоких рытвин), однако в условиях разреженной растительности в последнюю ледниковую эпоху были вполне достаточны для проявления плоскостного (микроручейкового) смыва.

В разрезе 2015 г. сохранилась нижняя часть поздневалдайских лессовидных суглинков, запечатывающих культурный слой. В нижней части лессовидных суглинков прослеживается сеть мерзлотных трещин. Общая мощность гумусированных суглинков достигает 50 см. По морфологическим признакам мы можем уверенно соотнести вмещающий находки слой с гумусовым горизонтом брянской палеопочвы.

В шурфах № 3 и 4 (2014 г.) на радиоуглеродный анализ были отобраны пять образцов костей животных. Распределение дат, от 28 900 до 30 320 (некал.), демонстрирует прямую зависимость от стратиграфического положения образцов в толще погребенного гумуса.

Общее количество костных остатков млекопитающих, собранных в ходе раскопок 2015 г., составило 129 экз. Список определенных видов: шерстистый мамонт, песец (полярная лиса), первобытный бизон и северный олень. Возможно, представлена одна кость птицы (не определимый для систематического отнесения фрагмент) и фрагменты больших берцовых костей мышевидного грызуна.

Структурная характеристика участка культурного слоя, вскрытого и изученного в ходе полевых работ 2015 г., позволяет охарактеризовать его как периферию крупного скопления, исследованного О.Н. Бадером на площади раскопа III. Видовой состав животных заметно беднее общего видового состава данного памятника археологии. Сохранность костей и представленность частей скелета дают основания считать, что большинство видов являлись для обитателей поселения промысловыми.

Стратиграфическое положение артефактов и скоплений археологического материала позволяет предполагать, что культурный слой Сунгиря сформировался в несколько этапов. Наиболее поздний из них представлен редкими находками, залегающими в светло-сером гумусированном суглинке, который относится к верхам гумусового слоя погребенной почвы. Следующий этап представлен верхней половиной серого гумусированного суглинка – более темного гумусированного слоя погребенной почвы. Наконец, начальный этап относится к нижней половине серого гумусированного суглинка.

НАЧАЛО ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА В СЕВЕРНОЙ АЗИИ

М.В. Шуньков

Институт археологии и этнографии СО РАН

Принципиально новые знания о времени и процессах формирования верхнего палеолита на территории Северной Азии получены в последние годы в результате междисциплинарных исследований многослойных палеолитических комплексов Горного Алтая. Наиболее наглядно эти процессы демонстрирует культурно-хронологическая колонка Денисовой пещеры, где прослежено развитие палеолитических традиций на протяжении последних 300 тыс. лет и становление около 50 тыс. л.н. культуры верхнего палеолита на местной среднепалеолитической основе, что подразумевает не только культурную, но и генетическую непрерывность у первобытного населения Алтая. Носителями этих культурных традиций, по данным антропологии и палеогенетики, были ископаемые гоминины, получившие название денисовцы, обитавшие в пещере с начала среднего палеолита до ранней стадии верхнего палеолита. Вместе с тем в среднепалеолитических слоях пещеры зафиксировано также присутствие неандертальцев и найдена кость девочки – гибрида неандерталки и денисовца. Эти данные и отсутствие резких изменений в составе каменных индустрий позволяют говорить, скорее всего, о совместном обитании в пещере денисовцев и неандертальцев. Свидетельства длительного обитания в пещере денисовцев и культурная преемственность в развитии каменных индустрий позволяют пред-

положить, что они являлись автохтонным населением, с которым ассоциируется развитие среднепалеолитических и становление ранних верхнепалеолитических традиций. Появление в материалах Денисовой пещеры около 50 тыс. л.н. признаков отжимного микрорасщепления, миниатюрных костяных орудий и следов символической деятельности свидетельствует, что на Алтае сформировалась самая ранняя верхнепалеолитическая индустрия в Северной Азии.

РАННИЙ ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

М.Б. Козликин, М.В. Шуньков

Институт археологии и этнографии СО РАН

Комплексные исследования верхней части плейстоценовой толщи в южной галерее Денисовой пещеры в 2017–2022 гг. позволили существенно расширить базу источников по раннему верхнему палеолиту Алтая. В каменной индустрии из слоя 11 на этом участке стоянки для первичного расщепления характерно параллельное раскалывание, направленное на получение удлиненных отщепов, крупных пластин и мелких пластинок. В орудийном наборе отмечены яркие образцы скребков, резцов, ретушированных пластин с хорошо выраженной верхнепалеолитической морфологией. Вместе с тем заметную долю в этой индустрии составляет среднепалеолитический компонент, представленный различными типами скребел, а также зубчатые, выемчатые и шиповидные формы. Вместе с изделиями из камня найдены формальные костяные орудия – иглы с ушком, бивневые и костяные наконечники, шилья и проколки, а также разнообразные украшения: бусины, подвески, пронизки, кольца, диадемы и браслеты из органических материалов и поделочного камня. Непрерывность технико-типологической последовательности в развитии индустрий Денисовой пещеры позволяет предположить становление верхнепалеолитических традиций на местной среднепалеолитической основе.

Исследование выполнено за счет гранта РФ № 22-28-00049.

СТОЯНКА САБАНИХА-3 – НОВАЯ СТОЯНКА РАННЕГО ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА НА СРЕДНЕМ ЕНИСЕЕ

В.М. Харевич¹, А.В. Харевич¹, Е.Н. Бочарова¹,
И.Д. Зольников², А.М. Клементьев³, А.А. Анойкин¹

1 – Институт археологии и этнографии СО РАН

2 – Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН

3 – Институт земной коры СО РАН

Исследование раннего верхнего палеолита (РВП) бассейна р. Енисей ведется с 70-х гг. XX в. На данный момент известно более 20 памятников, относящихся к данному периоду. Ключевой особенностью комплексов РВП Енисея, накладывающей определенные ограничения на их изучение, является проблема сохранности культурного слоя. Практически все известные комплексы (Малая Сья, Дербина IV, V, Усть-Малтат I, II и др.) залегают в переотложенной каргинской палеопочве либо представлены подъемными материалами. Исключение из этого ряда составляет стоянка Сабаниха. Стоянка, расположенная на левом берегу Красноярского водохранилища, была открыта Н.Ф. Лисицыным в 1986 г. и исследовалась им с 1989 по 1991 г.

Новый этап исследований стоянки Сабаниха начался в 2020 г. В районе расположения стоянки отрядом ИАЭТ СО РАН была собрана коллекция подъемного материала (614 экз.) и заложена расчистка (3 кв. м) в береговом обнажении, позволившая выявить культурный слой. Стратиграфическая позиция и типологический облик находок 2020 г. идентичны материалам, полученным Н.Ф. Лисицыным в 1989–1991 гг. Однако, учитывая то, что за последние 30 лет береговая линия сместилась не менее чем на 20 м, установить, как участок работ 2020 г. соотносится с раскопками Н.Ф. Лисицына, не представлялось возможным. Поэтому выявленный памятник получил отдельное обозначение – стоянка Сабаниха 3. Учитывая высокую насыщенность археологического слоя и значительное смещение береговой линии, выявленный памятник представляет собой как минимум самостоятельный участок, приуроченный не к самой реке, а к небольшому водотоку, проходившему по одному из логов.

Раскопочные работы на стоянке, проведенные в 2022–2023 гг., позволили получить многочисленный археологический и палеонтологический материал, типологический облик которого соответствует РВП. В ходе работ было зафиксировано непотревоженное кострище, которое дополнительно подтверждает инситуальный характер стоянки. Наиболее яркой частью коллекции являются каменные украшения и костяные орудия, обнаруженные в слое.

Помимо того, что обнаруженный археологический материал вносит большой вклад в источниковую базу изучения РВП региона, материалы Сабанихи 3 от других синхронных комплексов региона отличает непотревоженное

положение археологических находок. Это открывает широкие перспективы планиграфических исследований, невозможных на других памятниках РВП Енисея.

Работа выполнена в рамках проекта НИР «Северная Азия в каменном веке: культурная динамика и экологический контекст» № FWZG-2022-0003.

НОВЫЙ КОМПЛЕКС МНОГОСЛОЙНЫХ СТОЯНОК РАННЕГО ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА В ЮГО-ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ (СЕВЕРНЫЙ ТЯНЬ-ШАНЬ)

Д.В. Ожерельев¹, Т.Б. Мамиров²

1 - институт археологии РАН

*2 - «Институт археологии им. А.Х. Маргулана» Комитета науки
Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан*

В 2021 г. в северных предгорьях Тянь-Шаня (Заилийский Алатау, Юго-Восточный Казахстан) был открыт новый комплекс многослойных стоянок верхнего палеолита Узынагаш 1–9. Памятники расположены в 52 км к западу – юго-западу от г. Алматы (Жамбылский район Алматинской области) в долине одноименной реки в устьевой части при выходе ее из ущелья. Здесь на расстоянии около одного километра на правом и левом берегах были обнаружены девять пунктов находок. Абсолютная высота местонахождений равняется 1100–1125 м над уровнем моря. Место стоянок соотносится с нижней террасовой ступенью предгорий. По отношению к реке данный уровень соответствует первой надпойменной террасе. В 2022–2023 гг. на двух из них (стоянки Узынагаш 1 и 2) проводились археологические раскопки. Стоянка Узынагаш 1 исследовалась траншеей (0–4 м от условного репера), раскопом площадью около 35 кв. м (4–7 м) и шурфом (6–11,5 м). Была вскрыта вся мощность покровных лессовых отложений террасы вплоть до древнего галечника. В результате на стоянке было обнаружено 5 культурных слоев: слой 1 (-3,65 м), слои 2–5 (глубины -5,69/-6,8 м). Находки из слоя 1 наиболее вероятно, относятся к средней поре верхнего палеолита и были обнаружены пока только в разведочной траншее. В слое 2 была обнаружена яма с древесным углем и единичными каменными находками. Наиболее яркие и многочисленные находки выявлены в слоях 3–5. Сами слои представляют собой остатки поселений с очагами, ямами, красными прокалами, углистыми скоплениями и пятнами. С ними связаны и многочисленные каменные находки. Всего обнаружено не менее 8000 каменных предметов, включая обломки, осколки, чешуйки. В инду-

стриях представлены нуклеусы, их заготовки, отбойники, отщепы, пластины и пластинки. Орудийный набор содержит многочисленные скребки на пластинах и отщепах различных модификаций, кареноидные нуклеусы-скребки и нуклеусы-резцы, пластины с ретушью, редкие угловые резцы, пластинки непрямого профиля, единичные пластинки с ретушью на брюшке. Орудия изготовлены из разнообразного сырья, которое добывалось здесь же в русле р. Узынагаш. По технико-типологическим критериям индустрия из слоев 3–5 относится к ранней поре верхнего палеолита с выраженным ориньякоидным компонентом. Для слоев 3–4 были получены три радиоуглеродные даты, охватывающие промежуток времени 26 500–31 200 некал. л.н. (~29 000–34 000 кал. л.н.). Памятник интерпретируется как базовая долговременная стоянка.

На стоянке Узынагаш 2 были обнаружены три культурных слоя в траншее и раскопе (слои 1–2, гл. 5,5–5,7 м; слой 3, гл. 7,5–7,6 м). Всего более 1500 изделий. Каменный инвентарь из первых двух близок индустрии стоянки Узынагаш-1. Находки из слоя 2 включают немногочисленные изделия из камня (27 экз.), которые отличаются мелкими размерами. Диагностических форм мало.

Таким образом, исследование стоянок узынагашской группы находится в начальной стадии, но, несомненно, определяется новый перспективный круг памятников с выразительным археологическим материалом, залегающим *in situ*. Эти памятники позволяют по-новому изучать культуру ранних этапов верхнего палеолита в предгорьях Северного Тянь-Шаня и всей западной части Центральной Азии.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №23–18–00329, <https://rscf.ru/project/23-18-00329>

РАЗВИТЫЙ ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СТОЯНКИ УШБУЛАК)

Г.Д. Павленок, Е.Н. Бочарова, А.А. Анойкин

Институт археологии и этнографии СО РАН

Исследование посвящено результатам комплексного анализа материалов развитого и финального палеолита многослойной верхнепалеолитической стоянки Ушбулак в Шиликтинской долине (Восточный Казахстан). Проведение реконструкций природно-климатических обстановок на разных этапах позднего плейстоцена позволило зафиксировать изменения палеоклимата в районе стоянки. Подобные выводы были получены на основании комплекса естественно-научных

методов – минералогических, зоологической, масс-спектрометрии (ZooMs), ОСЛ- и УМС-методов абсолютного датирования и др. Для изучаемых эпох развитого и финального верхнего палеолита было выделено три природно-климатических периода. Первый (~25–21 тыс. л.н.) приходится на переход от умеренно теплого климата к максимально холодному с аридизацией и распространением степных ландшафтов. Второй (~18–16 тыс. л.н.) соответствует переходу от гляциального максимума к позднеледниковому интерстадиалу с относительно прохладным и сухим климатом и преобладанием степных и лесостепных ландшафтов. Третий период (~15–14 тыс. л.н.), выделяющийся наиболее теплым за время плейстоцена климатом, соответствует условиям степной и лесостепной зон.

Проведенный анализ артефактов из слоев 5.1–2 позволил реконструировать определенные отличия, фиксирующиеся на разных этапах развития каменной индустрии. Для слоев 5.1–4.1 были реконструированы три стратегии расщепления камня, определяющие облик этой индустрии. Поиск истоков и продолжения этой индустрии в рамках стратиграфической последовательности стоянки Ушбулак показал достаточно сильные изменения в структуре и технологических составляющих каменных индустрий. Это позволяет предположить, что в палеоколлективах, населявших Шиликтинскую долину в интервале 35–14 тыс. л.н., произошли кардинальные изменения.

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ МУЗЕЙНОЙ КОЛЛЕКЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ РАСКОПОК ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ СУНГИРЬ

Л.О. Базилевич

Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник

Верхнепалеолитическая стоянка Сунгирь является выдающимся памятником для изучения верхнего палеолита на территории Русской равнины. Огромный археологический и антропологический материал, обнаруженный в ходе раскопок памятника, позволяет говорить о различных аспектах периода верхнего палеолита: от климатических особенностей и производственных технологий до физической деятельности человека и взаимодействия с окружающей средой. Комплексные исследования находок позволяют выявлять широкие культурные аналогии, исследовать погребальные практики и духовную культуру обитателей стоянки.

В археологическом собрании музея-заповедника коллекция материалов из раскопок стоянки Сунгирь занимает особое место. Коллекция формирова-

лась постепенно, по мере передачи материалов раскопок в фонды музея. Особенно долгим был процесс передачи коллекций из раскопок погребений 1964 и 1969 гг. Ввиду того, что погребения разбирались в лабораторных условиях, предметы проходили долгосрочную реставрацию, производились тщательное научное изучение и последующая публикация предметов, коллекции передавались в музей с большим временным интервалом. Последние из принятых в музейное собрание предметов происходят из раскопок 2014–2015 гг.

В 1997 г. из состава археологического собрания музея-заповедника была выделена коллекция «Археология г. Владимира (Сунгирь)» (шифр «АВС»), где были сосредоточены все археологические материалы из раскопок стоянки. Сейчас в ее составе находятся 39 коллекций, хронологически охватывающих период с 1955 по 2015 г. Все они внесены в Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации, фотофиксированы и систематизированы в пределах отдельного фондохранилища. Абсолютное большинство предметов коллекции составляют отходы кремневого производства. Значительно количество бусин, их фрагментов и заготовок, изготовленных из бивня мамонта. Одной из приоритетных задач музея-заповедника остается сохранение предметов и поддержание стабильности их состояния. Самыми сложными с реставрационной точки зрения в коллекции являются предметы из бивня мамонта и кости, за которыми ведется наиболее пристальное наблюдение.

Музейная коллекция из материалов раскопок Сунгиря, несмотря на высокую степень изученности, сохраняет интерес для исследователей разного профиля. История формирования коллекции, ее структура и количественный состав имеют принципиальную важность для понимания того, как формировались представления о памятнике, как проходило его изучение и какие перспективы открываются для дальнейшего исследования.

ПРОБЛЕМЫ ПОВТОРНОЙ РЕСТАВРАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ

Л.В. Гетьман

ВХНРЦ им. Академика И.Э. Грабаря

С 2010 по 2023 г. в отдел реставрации кости ВХНРЦ им И.Э. Грабаря поступили и были отреставрированы 29 предметов из археологического фонда Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Это были уникальные находки из погребений со стоянки Сунгирь – копья, дротики, кинжалы, браслеты, кольца, жезл.

Предметы были неоднократно реставрированы. На реставраторах отдела лежала большая ответственность – провести консервационные работы, укрепив структуру кости, удалить все старые реставрационные наслоения, правильно не только склеить фрагменты, но и продумать конструктивное соединение, чтобы дать возможность увидеть форму предмета и, наконец, выставить эти уникальные экспонаты.

Для любого реставратора равноценными остаются два вопроса: как сохранить объект и какими материалами для этого воспользоваться?

Состояние сохранности предметов было крайне тяжелым. Они были расколоты на фрагменты, которые имели деформацию, многочисленные трещины, утраты материала. Фрагменты выглядели, как леденцы, настолько толстой была покрывная пленка. Старые реставрационные склейки расходились, швы были толстыми, утраты неаккуратно восполнены, тонированы.

Реставрационные работы проводились в соответствии с разработанной и утвержденной на реставрационном совете отдела программой. В состав реставрационного совета отдела входят не только реставраторы, но и заведующая лабораторией химических технологий реставрационных процессов Гос.НИИР Малачевская Е.Л., которая рекомендовала составы для консервационной пропитки, склейки, укрепляющей мастиковки предметов, а также сотрудники отдела физико-химических исследований ВХНРЦ им. Грабаря. Фотографии были выполнены фотоаппаратами Данилиным П.Ю. и Шевердиным В.В.

ИСКУССТВО ЯНСКОЙ СТЯНКИ

В.В. Питулько¹, Е.Ю. Павлова²

1 – Институт истории материальной культуры РАН

2 – Арктический и Антарктический НИИ

Из раскопок культурных слоев палеолитических стоянок различных регионов Северной Евразии происходит значительное количество предметов, которые относятся исследователями к свидетельствам символической деятельности людей верхнего палеолита. Это так называемые предметы с «неутилитарной функцией» (хотя у них есть и вполне физическое назначение – украсить или выделить владельца среди других членов группы), среди которых заметное место занимают личные украшения, такие как бусы из бивня мамонта или камня, подвески из зубов животных, камня и иных материалов, браслеты и «диадемы» (налобные обручи из бивня мамонта). Массовые находки этих предметов в практике мировой археологии палеолита являются большой редкостью. Археологический контекст Янской стоянки, материалы которой сохранялись в

многолетнемерзлых условиях с момента формирования культуросодержащего горизонта ~32 000 л.н., дает уникальный в количественном и качественном отношении набор свидетельств символической деятельности людей верхнего палеолита Восточно-Сибирской Арктики позднего неоплейстоцена.

На Янской стоянке во множестве обнаружены изделия с «неутилитарной функцией», представленные как единичными и/или немногочисленными находками – подвесками из камня, янтаря, бивня мамонта и кости, а также массовыми типами изделий, среди которых имеются бусы двух типов и их заготовки, подвески из зубов животных, «диадемы» и браслеты из того же материала, а также орнаментированные кости. Найдено несколько уникальных предметов, в их числе: фрагменты двух орнаментированных сосудов из бивня мамонта и один целый сосуд (ковш), схематизированные зооморфные скульптурные изображения из оснований сброшенных рогов северного оленя и, наконец, небольшой фрагмент бивня мамонта с сюжетной гравировкой. Необходимо подчеркнуть, что все это многообразие происходит в основном из пункта Северный Янской стоянки.

Характерной чертой готовых изделий является развитая орнаментация, в отдельных случаях весьма сложная, в которой участвуют, в частности, антропоморфные символы. Орнаменты, украшения и иные символы служат средством самоидентификации человеческих коллективов, способом отличать своих от чужих. Система «свой-чужой» является важнейшей составляющей культуры начиная с весьма ранних ее этапов. В верхнем палеолите она, наряду с прочими аспектами символической деятельности человека, получает самое широкое развитие. В ее основе, несомненно, лежат развитые представления о личности, которые очевидны из орнаментации диадем и, особенно, браслетов Янской стоянки. Если в первых прослеживается некоторая повторяемость (преимущественно для простейших композиций, тогда как сложные – уникальны), то композиции на браслетах строго индивидуальны.

В связи с этим можно полагать, что функция данной категории предметов – личных украшений (диадем, браслетов, подвесок и бус) была не только и не столько утилитарной и просто декоративной, сколько информационной. Представляется, что они образуют трехуровневую систему, в которой орнаменты из бус и подвески из зубов животных составляли наиболее общий уровень, характеризующий принадлежность к группе в целом. Орнаментация диадем, судя по определенной повторяемости рисунка, возможно, служила индикатором внутригруппового различия (для семейных групп). Наконец, браслеты, орнаментация которых уникальна для каждой находки, являлись в прямом смысле личными, т.е. индивидуальными украшениями, содержащими информацию о носителе и его социальном статусе. Обладание подобными системами указывает на развитые представления о личности и сложную социальную организацию людских популяций Восточно-Сибирской Арктики и Сибири в целом.

Исследование поддержано Российским Научным Фондом, проект №21–18–00457.

ОСОБЕННОСТИ УТИЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКОМ ТУШИ МАМОНТА ЮКИ (ЯКУТИЯ) В ПЕРИОД ОКОЛО 38 ТЫС. Л.Н.

Н.Б. Ахметгалеева¹, А.В. Протопопов³,

Е.Н. Машенко^{2,3}, И.С. Павлов³

1 – Курчатовский краеведческий музей, филиал ОБУК Курский областной краеведческий музей

2 – Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН

3 – Академия наук Республики Саха (Якутия) (АН РС (Я))

Трасологическое изучение находки туши мамонта Юки (Якутия) показало наличие на его шкуре антропогенных разрезов. Были детально исследованы крупный разрез вдоль хребта мамонта и разрезы вокруг глаз, сделанные каменными орудиями. Были проведены экспериментальные работы по разрезанию участка шкуры другой особи мамонта разными инструментами, включающими каменные пластины, пластинки, бифас, вкладышевое орудие и металлические охотничьи ножи. В итоге получены доказательства преднамеренной разделки шкуры мамонта Юки именно каменными орудиями. Описаны трасологические признаки антропогенных разрезов, которые отличают их от повреждений шкуры, нанесенных животными.

Кроме того, на манипуляции древним человеком с тушей указывают и поломы на некоторых костях скелета мамонта. Отсутствует большинство позвонков при наличии крепящихся к ним ребер с обломанными головками. Череп мамонта преднамеренно разделен в древности. Лицевая часть черепа оставлена внутри шкуры, а мозговая часть извлечена и сохранилась отдельно. Перерезано также сухожилие трапециевидной мышцы около лопатки.

Отметим, что это единственный случай, когда ученые имеют доказанные подтверждения действий древнего человека на основе следов не только на костях, но и на мягких тканях животного. При этом обращает внимание не только сам характер действий по отношению к туловищу мамонта, но и выборочность отдельных частей шкуры и туловища, внутренностей. Таким образом, речь идет о целом комплексе действий по утилизации мамонта в период около 38 тыс. лет назад на северо-востоке Якутии. Изучение полученных данных способствует более полному пониманию взаимодействия человека и мамонта в целом в условиях ледниковой эпохи.

КРАСКИ В ВЕРХНЕМ КУЛЬТУРНОМ СЛОЕ ВТОРОГО КОМПЛЕКСА КОСТЁНОК 1

М.Н. Желтова

Институт истории материальной культуры РАН

Первые работы по изучению красок в культурном слое второго комплекса Костёнок 1 были начаты Н.Д. Прасловым в 1980-е гг. За 10 лет работ, с 1984 по 1994 г., им были собраны десятки образцов окрашенных участков культурного слоя, окрашенных предметов, красящих составов и сырья разного типа и качества, начаты эксперименты по изучению зависимости цвета образцов железосодержащих пород от температуры обжига и изучению минеральных составов красок, опубликованы первые результаты (Праслов 1992, 1997 и др.). Позднее эти работы были продолжены М.Н. Желтовой и О.В. Яншиной при поддержке фонда РФФИ (2013–2015 гг.). Нами были подробно изучены образцы сырья и красок, содержащих оксиды железа (Яншина, Желтова 2018, Zheltova, Yanshina, 2015), установлены источники сырья и реконструированы методы изготовления красящих составов. Однако разнообразие красок в верхнем культурном слое Костёнок 1 не исчерпывается одними «охрами», представляющими красно-коричнево-желтую палитру цветов. Большой интерес представляют собой т.н. белые массы, залегающие в слое в виде комков и пятен белого цвета с многокомпонентным составом. Кроме того, имеются пятна ярко-желтого цвета более холодного оттенка, нежели желтые охры, а также черные массы, отличные по своему характеру от обычного углистого слоя. Весь этот материал требует дальнейшего изучения не только в плане состава и технологии изготовления красок, но и в плане их взаимосвязи с объектами поселения. В фокусе настоящего исследования находятся окрашенные образцы культурного слоя, окрашенные предметы, разные формы сырья, рассматриваемые как элементы сложной структуры поселения верхнего слоя второго комплекса Костёнок 1.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №23–78–10205 «Технологические новации среднего и верхнего палеолита как критерии для уточнения периодизации и индустриальной вариабельности».

КРАСОЧНЫЕ ПИГМЕНТЫ ИЗ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ И МУЖСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ СУНГИРЯ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В.С. Житенёв¹, В.Д. Лаврова², И.В. Абдрашитова²,
Ю.Д. Анисовец¹, Е.А. Виноградова¹, М.А. Статкус²

1 – исторический факультет, МГУ им. М.В. Ломоносова

2 – химический факультет, МГУ им. М.В. Ломоносова

В рамках исследования изучены пигменты (охра) со стоянки Сунгирь из раскопов I (5 образцов) и II (31 образец), а также пигменты на бивневых бусинах (6 экз.) и клыке песка из мужского погребения (С-1). Пигменты из культурного слоя раскопа I представлены образцами из горизонта 1, из раскопа II – горизонтов 1–4.

Результаты определения цвета с помощью цветовой шкалы Munsell демонстрируют, что оттенки охры из раскопов I и II практически идентичны. Пигменты 3 и 4 горизонтов имеют схожий цвет, образцы из горизонта 1 и 2 незначительно отличаются от них, однако относятся к схожему красновато-кирпичному оттенку. Охра из 1 и 2 горизонтов раскопа II наиболее близка по цвету охре из горизонта 1 раскопа I и, в отличие от остальных образцов, ее окрас гетерогенен. Подавляющее большинство пигментов имеют одинаковую песчано-глинистую структуру. Пигменты из горизонта 1 раскопов I и II содержат включения в виде кальцита и кварца, обладают меньшей твердостью, т.е. не оставляют следа при проведении по листу бумаги. Пигменты горизонтов 2–4 раскопа II, напротив, оставляют яркий след и не содержат включений.

Красочные пигменты на бусинах из мужского погребения также близки по оттенку охре из культурных горизонтов 3 и 4 раскопа II. При этом в ряде случаев наблюдается факт окрашенности разных типов бусин в разные оттенки. В ходе изучения было выявлено, что оттенок охры меняется – в т.ч. в зависимости от толщины слоя пигмента, покрывающего бусины, – тонкий слой окрашенности имеет более светлый оттенок. Важно отметить, что некоторые бусины были обильно окрашены, а отверстия в них были заполнены пигментом, тогда как остальные содержали на себе лишь его незначительные следы. Наиболее окрашенными (буквально – облепленными) оказались бусины, имеющие подквадратную и подовальную форму. Однако на сегодняшний момент невозможно с уверенностью сказать, были ли бусины обильно окрашены преднамеренно (например, натерты охрой) или это постдепозиционный эффект, например, из-за контакта с охрой, которой было присыпано погребение.

Предварительные результаты археологического и естественно-научного изучения пигментов стоянки Сунгирь демонстрируют важность комплекс-

ного исследования красочных материалов, а также верность выбранного подхода к пигментам как к массовому материалу.

Исследование выполнено в рамках гранта РФФ 23–28–00468 «Разработка подхода к изучению географического происхождения (provenance) верхнепалеолитических минеральных красочных пигментов (охры) Каповой пещеры и Каменной Балки II методами аналитической химии».

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ КРАСОЧНЫЕ ПИГМЕНТЫ КАК МАССОВЫЙ МАТЕРИАЛ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА И СРАВНЕНИЯ ОБРАЗЦОВ КАПОВОЙ ПЕЩЕРЫ И КАМЕННОЙ БАЛКИ II

Ю.Д. Анисовец¹, В.Д. Лаврова², И.В. Абдрашитова²,
Е.А. Виноградова¹, М.А. Статкус², В.С. Житенёв¹

1 – исторический факультет, МГУ им. М.В. Ломоносова

2 – химический факультет, МГУ им. М.В. Ломоносова

В рамках исследования были изучены образцы красочных пигментов (охры) из Каповой пещеры и открытой стоянки Каменная Балка II. Рассматриваемые памятники представляют собой два совершенно разных типа освоения пространства в верхнепалеолитическое время. Однако на обоих памятниках встречено большое количество красочных пигментов. Ввиду различия между типом памятников, сравнение пигментов из их коллекций представляет особый интерес.

Подход и анализ красочных пигментов как массового материала (867 образцов) по различным параметрам (цвет и его гомогенность, внешний вид, структура, твердость) показал существенное различие между пигментами, которые использовались на памятниках. В частности, на Каменной Балке II наблюдается более светлая палитра цветов с большим количеством оттеночных включений, а образцы имеют неправильную форму, тогда как пигменты Каповой пещеры представлены более темными гомогенными оттенками, образцы имеют подокруглую и подовальную форму. Структура их также различается: для большинства образцов из Каменной Балки II характерна песчаная структура, тогда как в Каповой пещере – глинистая. Также образцы из Каповой пещеры имеют меньшую твердость и оставляют яркую линию при проведении по бумаге, т.е. являются более пригодными для графической деятельности, чем образцы из Каменной Балки II. Полученные данные свидетельствуют о том, что в Каповой пещере только треть пигментов не оставляет следа при проведении по бумаге, тогда как на Каменной Балке II этот показатель составляет почти 50%. При этом практически половина пигментов Каповой пещеры пригодны

для создания четкого изображения, тогда как на Каменной Балке II для рисования пригодны лишь 24,2%. По всей видимости, такое различие между пигментами может быть объяснено функциональным применением пигментов: в большинстве своем – символическим для Каповой пещеры и утилитарным для Каменной Балки II.

Предполагается, что результаты естественно-научных анализов в совокупности с данными о пространственном распределении охры на памятниках позволят глубже осветить проблему природы подобного различия как между пигментами, так и между отдельными участками памятников. Предварительные итоги изучения материала демонстрируют верность выбранного подхода к пигментам как к массовому материалу.

Исследование выполнено в рамках гранта РНФ 23-28-00468 «Разработка подхода к изучению географического происхождения (provenance) верхнепалеолитических минеральных красочных пигментов (охры) Каповой пещеры и Каменной Балки II методами аналитической химии».

МОДЕЛЬ ПАЛЕОЛИТА НИЖНЕГО ДОНА

А.В. Колесник¹, А.Ю. Данильченко²,

Е.А. Виноградова³, Ю.Н. Зоров⁴

1 – исторический факультет, Донецкий государственный университет

2 – Каменск-Шахтинский музей декоративно-прикладного творчества

3 – исторический факультет, МГУ им. М.В. Ломоносова

4 – ГАУК РО «Донское наследие»

1. Нижний Дон и Таганрогский залив в среднем и позднем плейстоцене входили в одну природно-климатическую зону с благоприятными, в целом, условиями для проживания человеческих коллективов. Основной водной артерией был палео-Дон, образовавший развитую долину с несколькими террасами. Лессово-почвенная серия (ЛПС) Северо-Восточного Приазовья залегает на разновозрастных лагунных отложениях, образующих комплекс террас мощностью до 30 м с шестью хорошо выраженными погребенными педокомплексами (Величко и др., 2012). Палеолитические памятники региона – предмет давнего интереса специалистов (обзор: Данильченко, 2022).

2. Фрагмент метаподии верблюда со следами надрезов из Ливенцовского карьера под Ростовом-на-Дону (Саблин, Гиря, 2010), скорее всего, относится к псекупскому териокомплексу (2,2–1,6 млн. л.н.). Древнюю дату могут иметь

изделия из кварцита и окварцованного доломита, найденные на морском пляже у с. Семибалки вместе с костями животных таманского фаунистического комплекса (1,55–0,85 млн. л.н.). Раннюю дату имеет комплекс из Герасимовки на Миусском лимане (Праслов, 2001). Каменные изделия из аллювия местонахождения Хрящи в низовьях Северского Донца (Щелинский и др., 2020) и береговых лиманных отложений местонахождения Николаево-Отрадное-II на Миусском лимане датируются МИС 9–11. В круг памятников раннего палеолита входят также местонахождение (место обнаружения бифаса) на Беглицкой косе, местонахождения единичных изделий (Праслов, 1968).

3. Ключевыми памятниками среднего палеолита являются стоянки Носово-I (Праслов, 1972а), Рожок-I (Праслов, 1968: Очередной и др., 2020), Марьева Гора (Данильченко и др., 2020; Колесник и др., 2020), Бирючья Балка 2 (Матюхин, 2012) и др. В культурном плане, различаются два варианта среднего палеолита – с асимметричными двусторонне обработанными орудиями (Носово-I, Рожок-I, Марьева Гора и др.) и без них (Бирючья Балка 2). Хроностратиграфические позиции комплексов уточняются на основании современных методов датировки (исследования А.К. Очередного и др.). На местонахождении Николаево-Отрадное-II следы среднего палеолита датируются в пределах МИС 7–8. В музейной коллекции слоя 6 стоянки Рожок-I обнаружены костяные украшения и орудия (Колесник и др., 2022); зуб человека из слоя 4 этой стоянки определен как неандертальский (Зубова и др., 2020).

4. Поздний палеолит демонстрирует прерывистое развитие культуры и представляет памятники, относящиеся к разным технокомплексам. К раннему этапу регионального позднего палеолита относится мастерская для наконечников с двусторонней обработкой Бирючья Балка 2, слой 3; по А.Е. Матюхину (2012), комплекс относится к кругу памятников стрелецкой культуры. Параллельно развивалась ориньякоидная культурная традиция: от раннего комплекса в окрестностях Танаиса (Гвоздовер, 1964) до Мураловки (19 600–18 700 тыс. л.н.) на берегу Миусского лимана (Праслов, 1972б, Радиоуглеродная археология..., 1997) и Золотовки (17 400–13 600 л.н.) в низовьях Северского Донца (Праслов, Щелинский, 1996, Радиоуглеродная археология..., 1997). Яркий культурный феномен позднего палеолита Нижнего Дона – граветтоидная каменнобалковская культура (Леонова и др., 2006; Виноградова, 2020), которая существовала в период с 16 000 по 14 500 л.н. и распространялась от дельты Дона до р. Кальмиус на запад (Леонова, Виноградова, 2013; Кротова, 1986). Памятники эпиориньякского типа тяготеют к берегам Таганрогского залива и к Северо-Восточному Приазовью (Зоров и др., 2019).

5. В целом, модель палеолита Нижнего Дона может быть описана как «модель прерывистой эволюции», она имеет отличия от Донецкой модели палеолита при близости основных культурных таксонов.

ХРОНОСТРАТИГРАФИЯ АФОНТОВОЙ ГОРЫ V – ГРУППЫ РАЗНОВРЕМЕННЫХ СТОЯНОК ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЕНИСЕЯ

М.Н. Мещерин, А.В. Барков, Е.С. Муратов

ООО «Красноярская Геоархеология»,

*ООО «Научно-производственное объединение "Археологическое
проектирование и изыскания"»*

Афонтова Гора V входит в агломерацию археологических памятников, связанных с южным фасом эпонимной возвышенности, расположенной в центральной части г. Красноярск, по левому борту долины Енисея. Афонтовская группа, занимающая весьма просторную территорию, в настоящее время скрыта городским ландшафтом. Стоянка АГ V была открыта в 1996 г. в ходе перепланирования городской застройки. Памятник находится на южном фесе высокого склона и удален от современных водоемов на расстояние свыше километра с относительным превышением в десятки метров. Культурные остатки включены в чехол субаэриальных отложений, перекрывающих высокие террасовые уровни. Последовательность культурных напластований памятника представлена тремя культурными слоями, охватывающими временной промежуток 32–16 тыс. л.н. КС 1 указывает на принадлежность к средним горизонтам сартанского оледенения (Sr3) со значениями 17–18 тыс. л.н. КС 2 залегает в средней части стратиграфической колонки памятника, как правило, на глубинах около 3–3,5 м, в пачке переслаивающихся розовоцветных (бурых) палеопедогенных и сизовато-серых серий. Геохронологическая позиция слоя определяется в горизонты раннего гляциального максимума Sr4. КС 3, залегает, в среднем, на глубинах 4,7–5,5 м от поверхности. В ходе разведки текущего сезона была получена представительная коллекция вещественных источников, дополняющих информацию о технологии каменного производства и костяной индустрии, относящийся к хронологическому отделу финала мегаинтерстадиала Kt2. Изучение АГV позволяет прояснить палеоэкологические условия на протяженном геохронологическом отрезке ранних отделов сартанского ледникового и рубежа с каргинским потеплением. Вновь полученные данные позволяют впервые на Среднем Енисее проследить хронологически различные модели технологической адаптации первобытного населения на рубеже раннего – среднего верхнего палеолита.

ЛИТОЛОГО-СТРАТИГРАФИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯЦИИ УСЛОВИЙ ЗАЛЕГАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ СЛОЕВ РАННЕГО ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА НА СТОЯНКАХ СУНГИРЬ И ХОТЫЛЁВО 2

Е.В. Воскресенская

Институт географии РАН

Культурный слой (слои) Сунгирской верхнепалеолитической стоянки по исключительному богатству и разнообразию находок (включая фауну, кремневый инвентарь и, безусловно, погребения) отличается от обнаруженных на стоянке Хотылёво 2 в последние годы слоев раннего верхнего палеолита, представленных исключительно расщепленным кремнем. Ранне-верхнепалеолитические культурные слои зафиксированы в серии шурфов на пунктах Б, В и Д стоянки Хотылёво 2 и на городище Кудеярка на достаточно большой площади, а также были исследованы на памятнике Хотылёво 6. Однако сходство палеогеоморфологической позиции Сунгиря и Хотылёво 2 (оба памятника занимают позицию в прибортовой части долин на террасовидных площадках, выработанных в среднем плейстоцене) и параллели в строении вмещающих культурные слои отложений позднего неоплейстоцена (строение почвенного профиля вмещающей находки палеопочвы, характер и морфология криогенных нарушений культурных слоев) позволяют обозначить ряд прямых аналогий в палеоэкологических обстановках времени обитания человека в раннем верхнем палеолите на стоянках Сунгирь и Хотылёво. В качестве основной характерной особенности, в первую очередь, можно выделить то, что ранне-верхнепалеолитические слои связаны с гумусовым горизонтом деформированной криотурбационными процессами брянской палеопочвы (МИС-3). В почвенном профиле гумусового горизонта верхняя часть сложена буроватыми слабогумусированными суглинками, а средняя и нижняя представлена серовато-коричневыми суглинками с внедрениями линз черного гумусированного суглинка, цвет которых обусловлен включениями углисто-зольной массы. Среднее содержание гумуса в горизонте А1 составляет 0,8%, в групповом составе органического вещества преобладают фульвокислоты (отношение $С_{гк}/С_{фк}=0.7$). Среди особенностей микростроения горизонта А1 брянской палеопочвы на обоих памятниках выделяются: фрагментация основной массы на округлые агрегаты – ооиды, наличие углистых частиц в основе и скопления микрокристаллического кальцита по порам. Постдепозиционные нарушения почвенного профиля палеопочвы представлены мерзлотными деформациями владимирского криогенного горизонта, выраженными в виде клиновидных нарушений общей мощностью до 1,5 м, которые образуют видимую на горизонтальных зачистках полигональную решетку с диаметром блоков 30–50 см. В средней части почвенного профиля проявляется система аструктурных мерзлотных нарушений типа солифлюкционно-криотурбационного перемешивания. В нижней части

почвенного профиля сформирован карбонатно-глеевый горизонт – белесовато-палевые плотные суглинки, характерной особенностью которых является языковатая форма нижнего контакта за счет деформаций по основаниям мерзлотных клиньев. Почвенный профиль с резким эрозийным контактом подстилается либо маломощными лессовидными суглинками хотылевского горизонта (Сунгирь), либо залегает на мезинском педокомплексе (Хотылёво 2). Верхняя – крутицкая фаза мезинского почвенного комплекса либо полностью уничтожена эрозией, либо переотложена и представлена исключительно педоседиментами. Однако в разрезах Сунгиря и Хотылёво 2 – пункт Д, а также городища Кудеярка, сохранилась ненарушенной нижняя часть профиля данного полигенетического педокомплекса – так называемая салынская фаза, отвечающая оптимуму последнего межледниковья. Позднеплейстоценовый лессово-почвенный комплекс Сунгиря и Хотылёво 2 сформирован на слоистых песчаных и алевроитовых осадках, которые сопоставляются с флювиогляциальными отложениями среднеплейстоценового возраста, заполнявшими в период деградации московского оледенения ложбины стока, которыми служили как сами долины Десны и Клязьмы, так и сеть древних балочных понижений.

Исследования выполнялись в рамках темы государственного задания Института географии РАН ААА–А19–119021990091–4 (FMGE 2019–0005).

ИЗДЕЛИЯ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ОРНАМЕНТАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА КАМЧАТКИ

А.Ю. Федорченко, Н.Е. Белоусова

Институт археологии и этнографии СО РАН

Материалы археологических памятников Северо-Восточной Азии выступают ценным источником для изучения духовной культуры, мировоззренческих представлений и художественного творчества человека эпохи верхнего палеолита. В качестве наиболее информативного археологического объекта, обладающего потенциалом для комплексных исследований погребальных практик этого обширного региона, выступает многослойное поселение Ушки I в Центральной Камчатке. Уникальность этому памятнику придавало наличие в его структуре многочисленных жилищных конструкций, очагов, непотревоженных скоплений и кладов, а также трех захоронений, сопровождаемых богатым погребальным инвентарем, в частности – персональными украшениями, выполненными из поделочных пород камня. Высокая степень информативности погребений стоянки Ушки I парадоксальным образом сочетается со слабой степенью их изученности. В настоящий момент данные об ушковских захоро-

нениях введены в научный оборот лишь частично; широкий спектр вопросов, связанных с изучением структуры и хронологии погребальных комплексов, типологии, функций и технологии производства артефактов их сопроводительного инвентаря, остается по-прежнему неосвещенным. В докладе обобщаются итоги новейших исследований материалов погребальных комплексов верхнепалеолитических культур Камчатки.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №22–28–02036 «Траектории культурного развития в верхнем палеолите Камчатки».

«ПИРОГЕННЫЕ АРХИВЫ» АНТРОПОГЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ (ЦЕНТРАЛЬНАЯ РОССИЯ)

А.А. Гольева¹, К.Н. Гаврилов², Г.А. Хлопачев³, С.П. Медведев⁴

1 – Институт географии РАН

2 – Институт археологии РАН

3 – Музей антропологии и этнографии РАН

4 – НИИ и Музей антропологии, МГУ им. М.В. Ломоносова

Почвы сохраняют огромный блок информации о природе и антропогенной нагрузке в прошлом. Разнообразие этих информационных блоков велико. Одним из них являются угли разного генезиса (древесные и костные), формируя самостоятельный пирогенный архив. В настоящее время активно изучается состав и размерность углистых частиц в естественных почвах, позволяющая определить ритмичность пожаров, состав древесных пород и их временную динамику. В этих исследованиях в основном рассматриваются макрочастицы углей (более 1,0 мм). Микрочастицы углей и запасы антропогенной антракомассы изучаются реже. Целью нашей работы является определить содержание углистых частиц размерностью до 0,1 мм в антропогенно преобразованных почвах разного генезиса в верхнем палеолите на территории современной Центральной России.

Был определен состав микроуглистых частиц, выделенных из культурных слоев трех палеолитических памятников: Авдеево, Хотылёво 2 и Юдиново 1.

На всех памятниках дополнительно отбирались образцы из подстилающих горизонтов естественных почв в качестве фоновых маркеров. Это позволило определить вклад углистой массы в естественные почвы в процессе хозяйствования представителей тех или иных культур, провести сравнительный анализ.

Во всех палеолитических образцах крупные фракции углей представлены жженой костью. Поскольку костный уголь очень прочный, это объясняет высокую долю крупных частиц в древних культурных слоях. В объекте Хотылево 2 была исследована углистая фракция, прошедшая через самое мелкое сито, т.е. фракция менее 0,5 мм. Электронный микроскоп позволил обнаружить, что в составе этой фракции присутствуют растительные остатки, а благодаря электронному микроанализатору было определено, что эти частицы имеют биогенный кремниевый состав (фитолиты), а также являются другими растениями, не формирующими фитолиты. То есть растения (деревья и травы) использовались, но их углистые частицы сильно раздроблены. Полученные результаты не совпадают с опубликованными для более древних отложений на юге Франции, где найдены крупные фрагменты древесных углей. Наиболее вероятно, это связано с тем, что во Франции изучались отложения в пещере (закрытый комплекс), а все культурные слои, описываемые в данной статье, являются открытыми комплексами. Они не были в той же степени, как в пещерах, защищены от природно-климатических флуктуаций, имевших место за прошедшие 12–22 тыс. лет.

ОБЩИЙ СПИСОК АВТОРОВ ДОКЛАДОВ

1. Абдрашитова И.В., МГУ им. М.В. Ломоносова, химический факультет, кафедра аналитической химии, Москва.
2. Анисовец Юлия Дмитриевна, аспирант МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва.
3. Анойкин Антон Александрович, доктор исторических наук, ФГБУН Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск.
4. Ахметгалева Наталья Борисовна, кандидат исторических наук, Курчатовский краеведческий музей, филиал ОБУК Курский областной краеведческий музей, Курчатов.
5. Базилевич Людмила Олеговна, Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник, Владимир.
6. Барков Александр Викторович, ООО «Красноярская геоархеология», Красноярск.
7. Белоусова Наталья Евгеньевна, ФГБУН Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск.
8. Беляева Валентина Ивановна, кандидат исторических наук, доцент СПбГУ, Санкт-Петербург.
9. Бессуднов Александр Александрович, кандидат исторических наук, ФГБУН Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург.
10. Борисова Ольга Кимовна, доктор географических наук, ФГБУН Институт географии РАН, Москва.
11. Бочарова Екатерина Николаевна, ФГБУН Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск.
12. Бужилова Александра Петровна, доктор исторических наук, академик РАН, Научно-исследовательский институт и Музей антропологии им. Д.Н. Анучина, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва.
13. Бурова Наталья Дмитриевна, ФГБУН Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург.
14. Виноградова Екатерина Александровна, кандидат исторических наук, МГУ, Москва.
15. Воскресенская Екатерина Владимировна, ФГБУН Институт географии РАН, Москва.
16. Гаврилов Константин Николаевич, кандидат исторических наук, ФГБУН Институт археологии РАН, Москва.
17. Гетьман Лариса Викторовна, ВХНРЦ им. Академика И.Э. Грабаря, Москва.

18. Гольева Александра Амуриевна, доктор географических наук, Институт географии РАН, Москва.

19. Данильченко Алексей Юрьевич, Каменск-Шахтинский музей декоративно-прикладного творчества, Ростовская область.

20. Желтова Мария Николаевна, кандидат исторических наук, ФГБУН Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург.

21. Житенёв Владислав Сергеевич, доктор исторических наук, МГУ, Москва.

22. Зоров Юрий Николаевич, ГАУК РО «Донское наследие», Ростов-на-Дону.

23. Зольников Иван Дмитриевич, доктор геолого-минералогических наук, ФГБУН Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН, Новосибирск.

24. Иванов Ярослав Дмитриевич, СПбГУ, ФГБУН Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург.

25. Клементьев Алексей Михайлович, кандидат географических наук, ФГБУН Институт земной коры СО РАН, Иркутск.

26. Козликин Максим Борисович, кандидат исторических наук, ФГБУН Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск.

27. Колесник Александр Викторович, доктор исторических наук, Донецкий государственный университет, Донецк.

28. Кузьмин Ярослав Всеволодович, доктор географических наук, ФГБУН Институт геологии и минералогии СО РАН, Новосибирск.

29. Куприянова Мария Дмитриевна, ФГБУН Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург.

30. Лаврова В.Д., МГУ им. М.В. Ломоносова, химический факультет, кафедра аналитической химии, Москва.

31. Лада Антон Русланович, ФГБУН Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург.

32. Лев Сергей Юрьевич, кандидат исторических наук, ФГБУН Институт археологии РАН, Москва.

33. Лисицын Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, ФГБУН Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург.

34. Мамиров Талгат Базарбаевич (кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии эпохи камня, «Институт археологии им. А.Х. Маргулана» Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан).

35. Машенко Евгений Николаевич – кандидат биологических наук, Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН, Москва; ГБУ Академия наук Республики Саха (Якутия), Якутск.

-
36. Медведев Станислав Павлович, Научно-исследовательский институт, Музей антропологии им. Д.Н. Анучина, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва.
  37. Медникова Мария Борисовна, доктор исторических наук, ФГБУН Институт археологии РАН, Москва.
  38. Мещерин Михаил Николаевич, ООО «Красноярская геoarхеология», Красноярск.
  39. Михайлова Людмила Афанасьевна.
  40. Муратов Евгений Сергеевич, ООО «Красноярская геoarхеология», г. Красноярск.
  41. Нарышкина Наталья Николаевна, кандидат биологических наук, ФГБУН Институт географии РАН, Москва.
  42. Ожерельев Дмитрий Викторович, кандидат исторических наук, ФГБУН Институт археологии РАН, Москва.
  43. Отт Марсель (Otte Marcel), Ph.D., professor emeritus, Университет г. Льеж, Бельгия.
  44. Очередной Александр Константинович, кандидат исторических наук, ФГБУН Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург.
  45. Панин Андрей Валерьевич, доктор географических наук, член-корреспондент РАН, ФГБУН Институт географии РАН, Москва.
  46. Павленок Галина Дмитриевна, кандидат исторических наук, ФГБУН Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск.
  47. Павлов Иннокентий Степанович, ГБУ Академия наук Республики Саха (Якутия), Якутск.
  48. Павлов Павел Юрьевич, доктор исторических наук, ФИЦ Коми научный центр УрО РАН Институт языка, литературы и истории, Сыктывкар.
  49. Павлова Елена Юрьевна, ФГБУ Арктический и Антарктический НИИ, Санкт-Петербург.
  50. Питулько Владимир Викторович, доктор исторических наук, ФГБУН Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург.
  51. Протопопов Альберт Васильевич, доктор биологических наук, ГБУ Академия наук Республики Саха (Якутия), Якутск.
  52. Синицын Андрей Александрович, кандидат исторических наук, ФГБУН Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург.
  53. Смолкина Василиса Сергеевна, ФГБУН Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург.
  54. Статкус Михаил Александрович, доктор химических наук, МГУ им. М.В. Ломоносова, химический факультет, кафедра аналитической химии, Москва.

55. Степанова Ксения Николаевна, кандидат исторических наук, ФГБУН Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург.

56. Федорченко Александр Юрьевич, ФГБУН Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск.

57. Харевич Алена Владимировна, кандидат исторических наук, ФГБУН Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск.

58. Харевич Владимир Михайлович, кандидат исторических наук, ФГБУН Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск.

59. Хлопачев Геннадий Адольфович, кандидат исторических наук, ФГБУН Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург.

60. Чечушкова Дарья Игоревна, ФГБУН Институт археологии РАН, Москва.

61. Шуньков Михаил Васильевич, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, ФГБУН Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск.

Научное издание

РАННИЙ ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ ЕВРОПЫ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ:
ВЗГЛЯД ИЗ СУНГИРЯ

*Тезисы всероссийской научной конференции с международным участием,
посвященной 120-летию со дня рождения Отто Николаевича Бадера.*

Корректор: Г.Н. Барышева
Верстка: Д.И. Чечушкова

Подписано в печать 23.12.2023. Формат 70×100/16
Уч.-изд. л. 3,4. Тираж 500 экз.

Институт археологии Российской академии наук
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 1

Владими́ро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
600000, Владимир, ул. Большая Московская, 58

ISBN 978-5-94375-424-1

9 785943 754241